ТЕО ВАЛЬТЕР

СССР · 1974

ВТОРАЯ СМЕНА ВО ВТОРОМ ЦЕХУ

ВТОРОЙ ШАНС · КНИГА ПЕРВАЯ

Тео Вальтер

Вторая смена во втором цеху

«Автор»
2026

Вальтер Т.

Вторая смена во втором цеху / Т. Вальтер — «Автор», 2026

Из закрытой справки особого отдела: «Объект — Павел Корнилов.
В кратчайшие сроки предотвратил техногенную аварию, предложил принципиально новую схему модернизации производства и в одиночку сорвал операцию, за которой стоял коррумпированный замминистра».Очнуться в СССР на пороге больших перемен с памятью человека XXI века — это не курорт, а ежедневная работа на острие ножа. Впереди рейдерский саботаж на строительстве северной магистрали и подстава от руководства треста, недоверие начальства и шанс изменить судьбу огромной страны.

© Вальтер Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужое отражение в зеркале 6
Глава 2. Разговор в парткоме 13
Глава 3. Ночная смена во втором цеху 19
Глава 4. Кабинет следователя ОБХСС 28
Глава 5. Чертеж на миллиметровке 36
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Тео Вальтер
Вторая смена во втором цеху

Вторая смена во втором цеху
Николай Кедров

Глава 1. Чужое отражение в зеркале

Жало сорокаваттного паяльника шипело, плавя канифольную бусину. Едкий, смолистый дым лениво полз к потолку, смешиваясь с застарелым духом прокисших щей из коридорной кухни и сыростью мокрого сукна.

Павел положил инструмент на согнутую из жестяной консервной крышки подставку, вытер закопченные пальцы о край вафельного полотенца и медленно поднял глаза.

Над шатким фанерным столом, на ржавом кованом гвозде висело зеркало. Узкое, с щербатым нижним углом и темными оспинами облупившейся с тыла амальгамы.

Из мутной глубины на него смотрел парень лет двадцати двух.

Слишком тонкая шея, синяя жилка на виске под шапкой жестких каштановых волос, острые, голодные скулы и ключицы, проступающие сквозь растянутый ворот застиранного свитера крупной вязки. Но глаза… Глаза в это худощавое студенческое лицо не укладывались. В них не было комсомольского задора, не было юношеской робости или хмельного запала молодости. В них застыл тяжелый, цепкий холод человека, который полвека провел на испытательных полигонах, в промерзших траншеях кабельных трасс, у заводских кульманов и в душных министерских кабинетах, где чужая подпись на рекламации могла стоить карьеры, инфаркта или лагерного срока.

Павел сжал ладонь в кулак. Кожа натянулась. Никакого хруста в суставах, никакой ноющей подагры в правом запястье, напомина

Глава 1. Чужое отражение в зеркале

Жало сорокаваттного паяльника шипело, плавя канифольную бусину. Едкий, смолистый дым лениво полз к потолку, смешиваясь с застарелым духом прокисших щей из коридорной кухни и сыростью мокрого драпа.

Павел опустил инструмент на согнутую из консервной жести подставку, вытер закопченные пальцы о край вафельного полотенца и медленно поднял глаза.

Над шатким фанерным столом, на кованом кривом гвозде висело зеркало. Узкое, с щербатым нижним углом и темными оспинами облупившейся с тыла амальгамы.

Из мутной глубины на него смотрел парень двадцати двух лет.

Слишком тонкая шея, отчетливая синяя жилка на виске под густой шапкой жестких каштановых волос, голодные, заострившиеся скулы и ключицы, проступающие сквозь ворот застиранного свитера крупной вязки. Но глаза… Глаза в это худощавое студенческое лицо не укладывались. В них не было комсомольского задора, не было юношеской робости или хмельного запала молодости. В них застыл тяжелый, цепкий холод человека, который полвека провел на полигонах, в промерзших траншеях кабельных трасс, у заводских кульманов и в душных кабинетах отраслевых министерств, где чужая подпись на рекламационном акте могла перечеркнуть годы труда, сломать судьбу или отправить на глухой номерной завод в заполярную тундру.

Павел сжал кулак. Кожа натянулась. Никакого хруста в суставах, никакой ноющей ломоты в правом запястье, напоминавшей в прежней жизни о сырых траншеях Уренгоя. Молодое тело дышало звериным, пружинистым запасом сил, но времени на радость от этой метаморфозы не оставалось вовсе.

Потому что на углу стола, при

Глава 1. Чужое отражение в зеркале

Острое стальное перо «Рондо» царапнуло плотный ватман, оставив на безупречной тушевой линии рваную кляксу.

Павел не выругался. Он замер, чувствуя, как по подбородку медленно стекает капля холодного пота. В комнате пахло терпким сургучом, прелой осенней пылью и дешевым табаком папирос «Север», дым которых пробивался сквозь рассохшуюся филенчатую дверь из коридора студенческого общежития.

Он положил рейсфедер на край деревянного чертежного стола, вытер пальцы о край застиранного вафельного полотенца и медленно поднял глаза.

Над шатким умывальником, на ржавом кованом гвозде висело узкое зеркало с щербатым нижним углом и темными оспинами облупившейся с тыла амальгамы.

Из мутной, слегка зеленоватой глубины на него смотрел парень двадцати двух лет.

Слишком тонкая шея, отчетливая синяя жилка на виске под густой шапкой жестких каштановых волос, голодные, заострившиеся скулы и ключицы, проступающие сквозь ворот растянутого свитера домашней вязки. Но глаза… Глаза в это худощавое лицо студента-пятикурсника не укладывались совершенно. В них не было юношеской наивности, не было комсомольского простодушия или хмельного задора молодости. В них застыл тяжелый, свинцовый холод человека, который прожил большую, жесткую жизнь: полвека провел на промерзших трассах магистральных коммуникаций, у заводских кульманов и в душных кабинетах отраслевых главков, где чужая подпись на рекламационном акте могла перечеркнуть годы каторжного труда, сломать судьбу и поставить крест на всем, ради чего стоило дышать.

Павел сжал ладонь в кулак. Кожа натянулась упруго, сухо. Никакого старческого хруста в суставах, никакой ноющей ломоты в правом запястье, напоминавшей в прежней жизни о сырых траншеях заполярного Уренгоя. Молодое тело дышало колоссальным запасом сил.

Но времени на осмысление этого чуда не оставалось вовсе.

На левом краю стола, прижатая тяжелым граненым стаканом с остывшим морковным чаем, лежала плотная папка из серого картона с завязками из вылинявшей тесьмы. На обложке химическим карандашом было размашисто выведено: «Главтрансстрой СССР. Трест «Севердорстрой«. Участок Воркута — Салехард. Входной контроль аппаратуры высокочастотной связи».

Павел перевел взгляд с зеркала на эти бумаги, и внутри все стянуло в жесткий, знакомый узел.

Память молодого Павла Корнилова, студента факультета радиоэлектроники МВТУ имени Баумана, всплывала толчками, словно кадры проявленной не по правилам фотопленки. Вот июль семьдесят четвертого. Глухая таежная станция, где рельсы обрываются прямо в болото, тучи ненасытной мошки, пробивающий брезент штормовки ледяной дождь и вечно хмельной, суетливый начальник участка снабжения Голованов.

«Ты подпиши, студентик, подпиши предварительную ведомость, — звенел в ушах его масляный, вкрадчивый тенорок. — Чего тебе стоит? Груз на ответственное хранение прибыл, ящики целые, пломбы завода на месте. Главный инженер треста Савицкий лично распорядился разгружать без задержки, эшелоны под разгрузкой держать нельзя — штрафы бешеные! А окончательный акт в Москве оформим, на кафедре тебе за такую преддипломную практику отличную характеристику выдадут, сразу в закрытый НИИ распределят…»

И молодой дурак, одурманенный романтикой Севера и обещаниями столичных благ, поставил свою размашистую подпись.

Павел резко перелистнул страницу. Пальцы безошибочно нашли третий лист.

Акт номер сорок два. Окончательный. Свежая машинопись на тонкой папиросной бумаге, пробитая через фиолетовую копирку.

Черным по белому: аппаратура высокочастотного телефонирования К-60П и шестьдесят километров магистрального бронированного коаксиального кабеля признаны «полностью соответствующими техническим условиям ГОСТ и пригодными для круглогодичной экс-

плуатации в условиях вечной мерзлоты и экстремальных температур до минус пятидесяти градусов».

Ниже шли подписи. Главный инженер треста Савицкий — росчерк размашистый, уверенный, с претензией. Начальник снабжения Голованов — мелкая, трусливая закорючка. А рядом, в графе «Представитель комиссии входного контроля, инженер-испытатель» — четкая, ясная фамилия: «Корнилов П. А.».

Только даты стояли не июльские. Вчерашнее число. Сентябрь 1974 года.

Павел усмехнулся одними уголками губ, и от этой усмешки его отражение в треснутом зеркале показалось пугающе чужим.

— Классика, — негромко произнес он вслух, пробуя на вкус собственный молодой, неожиданно густой баритон. — Старая, как мир, министерская удавка.

Схема читалась мгновенно, стоило лишь соединить инженерный опыт прошлой жизни с сухими строчками отчетов. На строительстве северного широтного хода произошла грандиозная афера. Кабель для вечной мерзлоты с двойной свинцовой оболочкой и полиэтиленовой гидроизоляцией стоил колоссальных денег и распределялся строго по лимитам Госплана. Вместо него руководство треста через связи на заводе-изготовителе или на перевалочных базах списало кондиционную продукцию налево, а на трассу загнали обычный полевой распределительный провод в дешевой виниловой оплетке, которая при первых же октябрьских заморозках растрескается в труху.

Миллионные фонды осели в карманах или пошли на перекрытие грандиозных приписок на других провальных объектах треста. А когда через месяц начнется укладка в мерзлый грунт и магистральная линия связи между узловыми станциями рухнет, парализовав движение эшелонов с трубами и оборудованием для газовых промыслов, грянет гром союзного масштаба.

На объект приедет комиссия Комитета партийного контроля и следователи по особо важным делам Генеральной прокуратуры. И кто окажется виноватым? Савицкий покажет наверх чистые руки: мол, руководство доверилось выводам профильного специалиста из ведущего технического вуза страны. Вот он, комсомолец Корнилов. Собственноручно подтвердил пригодность некондиционного хлама.

Статья 170 УК РСФСР — злоупотребление служебным положением. Или статья 172 — халатность, повлекшая тяжкие последствия для государственной безопасности и народного хозяйства. Десять лет без права переписки в тех самых краях, куда он так весело ехал за туманом и за запахом тайги.

Дверь скрипнула, и в комнату, волоча за собой тяжелый парусиновый портфель, ввалился Костя Самойлов — сосед по комнате, дипломник с кафедры точной механики. От Кости пахло машинным маслом, сырой шерстью и дешевой столовской котлетой за одиннадцать копеек.

— Пашка, ты чего в темноте сидишь? — Костя щелкнул выключателем. Под потолком вспыхнула голая сорокаваттная лампочка, залив тесную комнатуху тусклым желтушным светом. — Чертишь? Бросай к лешему. Я на Бауманской в гастрономе «Докторскую» урвал! Очередь отстоял всего полтора часа. Сейчас чайник вскипятим, хлеба серого нарежем…

Костя осекся, наткнувшись на неподвижный, тяжелый взгляд Павла. Он замер с портфелем в руках, растерянно моргнул круглыми близорукими глазами за толстыми стеклами роговых очков.

— Ты чего это?.. Случилось что? Лица на тебе нет, будто покойника увидал.

— Хуже, Костя, — спокойно ответил Павел, не отрывая пальцев от серой папки. — Свою собственную похоронку читаю. Завтра меня вызывают в управление треста?

Самойлов виновато втянул голову в плечи, полез в карман замасленного пиджака и вытащил клочок серой оберточной бумаги.

— Откуда знаешь? На вахте тетя Клава передала телефонограмму. Полчаса назад звонили. Сказали: Корнилову Павлу явиться к девяти ноль-ноль в главный корпус треста на Орли-

ковом переулке. Лично к Савицкому. При себе иметь полевой журнал и студенческий билет. Паш… там тетка на вахте сказала, голос у звонившего был металлический, строгий. Не из треста звонили. Из транспортного отдела прокуратуры.

Костя шагнул ближе, понизил голос до сиплого шепота:

— Говорят, на северном участке уже авария случилась. Разведочная партия осталась без рации, тягач под лед ушел, люди обморозились… Сверху команду дали — виновных найти и к стенке приставить. Ты зачем в этот трест сунулся? Тебя же профессор Лебедев на кафедру полупроводников звал!

Павел медленно поднялся из-за стола. Рост у молодого тела был приличный — под метр восемьдесят пять, плечи широкие, хоть и исхудавшие за годы студенческой полуголодной жизни.

— Звал, — ровно произнес Павел. — Только теперь Лебедев от меня открестится первым, если я завтра пойду на заклание, как баран.

— Так откажись! Скажи — подпись поддельная! Скажи — бес попутал, неопытный был, обманули!

— Детский сад, — отрезал Павел, и в его голосе прорезались такие стальные, властные нотки, что Самойлов невольно отступил на полшага назад, наткнувшись спиной на панцирную сетку кровати. — «Обманули комсомольца». В прокуратуре над такими сказками смеются до слез, пока протокол допроса оформляют. Документ подписан. Печать треста стоит. Акт прошел через канцелярию. Если я просто заявлю, что ошибся — это признание вины в служебной халатности. Если скажу, что Савицкий заставил — это клевета на члена парткома главка, пока у меня нет на руках железобетонных улик. Меня сожрут и не поперхнутся.

Павел подошел к углу комнаты, где под грудой старых подшивок журнала «Радио» стоял его походный деревянный ящик с инструментами — фанерный сундучок с массивным навесным замком, привезенный из северной экспедиции.

Щелкнул ключ. Павел откинул крышку.

Внутри лежали не конспекты. Там, уложенные в промасленную ветошь, покоились измерительный мост постоянного тока МВЛ-47, стрелочный авометр ТТ-1 в бакелитовом корпусе, набор калибровочных щупов и тяжелый круглый обрезок кабеля длиной сантиметров сорок. С торцов он был залит техническим парафином.

Этот кусок молодой Корнилов отрезал от контрольного барабана в Воркуте просто так, на память, собираясь использовать медную жилу для самодельной антенны на радиостанции в институтском радиоклубе.

— Костя, — не оборачиваясь, бросил Павел. — Плитку электрическую доставай. Ту, что комендантша в прошлый четверг конфисковать грозилась.

— Зачем? — опешил сосед. — Чай пить?

— Металлургию изучать будем. И органическую химию. Быстро!

Через две минуты спираль самодельной плитки, уложенная в канавки битого огнеупорного кирпича, раскалилась до вишневого свечения. В тесной комнате стало жарко. Воздух задрожал.

Павел взял сапожный нож с лезвием из инструментальной стали, переломил парафиновую заглушку на кабеле и аккуратно, виток за витком, начал срезать наружную защитную броню из стальной ленты.

Самойлов затаил дыхание, наблюдая за руками соседа. Движения Павла поражали: точные, экономные, без малейшей суеты. Так работают не студенты на лабораторных работах — так работают хирурги в военно-полевом госпитале или старые мастера на опытных оборонных производствах.

— Смотри сюда, механик, — Павел подцепил лезвием слой изоляции под стальной оплеткой. — Что должно быть по техническим условиям на кабель связи для районов Крайнего Севера?

— Полиэтилен высокого давления, стабилизированный сажей, — на память отчеканил Костя. — Стойкость к растрескиванию при температуре до минус шестидесяти, влагопоглощение близкое к нулю.

— Молодец. Теорию помнишь. А теперь гляди.

Павел срезал тонкую стружку серого полимера и пинцетом опустил ее на раскаленную спираль плитки.

Пластик не вспучился плотной углеродной корочкой, как положено морозостойкому компаунду. Он мгновенно оплавился, потек мутной вонючей жижей и вспыхнул коптящим, зеленоватым пламенем, наполнив комнату едким, удушливым запахом хлора.

— Хлорвинил! — ахнул Костя, закашлявшись и зажав нос рукавом. — Обычный кабельный пластикат! Самый дешевый, ширпотребовский!

— Именно, — процедил Павел, сбивая пламя металлической линейкой. — При температуре ниже минус пятнадцати градусов этот поливинилхлорид теряет эластичность и превращается в хрупкое стекло. А при минус тридцати пяти от вибрации проходящего поезда он просто осыплется с жилы внутри стальной брони. Вся линия замкнет на землю при первой же оттепели или треснет от мороза еще при раскатке с барабанов. Савицкий с подельниками сэкономили на каждом километре по три тысячи рублей. Шестьдесят километров — почти двести тысяч. Цена десятка кооперативных квартир в центре Москвы или сотни новеньких «Жигулей».

— Это же… это же вредительство! — побелевшими губами прошептал Костя. — Пашка, это расстрельная статья!

— В семьдесят четвертом за экономические преступления к высшей мере приговаривают редко, но здесь пахнет срывом правительственного постановления по освоению нефтегазовых месторождений Западной Сибири, — сухо поправил Павел. — А за это путевка в мордовские лагеря обеспечена на максимальный срок. И выписана она на мое имя.

Павел вернулся к кабелю. Его внимание привлекла центральная коаксиальная пара — медная трубка, внутри которой на полиэтиленовых шайбах крепилась центральная медная жила.

Он взял штангенциркуль, замерил толщину стенки трубки. Затем достал из кармана лупу-триплет с десятикратным увеличением, которую всегда носил с собой.

Поднес срез к самому глазу, направив свет лампочки вдоль оси кабеля.

Трубка не была цельнотянутой. На внутренней поверхности четко просматривался тонкий, неровный шов с микроскопическими наплывами шлака.

— Брак проката, — пробормотал Павел. Его пальцы двигались с пугающей скоростью. Он взял нож, поддел край медной оболочки в месте продольного шва и с силой провернул лезвие. Металл хрустнул и разошелся, словно консервная банка.

Внутри, между изоляционными шайбами, что-то блеснуло. Это был не технологический заполнитель.

Павел замер. Аккуратно, кончиком пинцета, стараясь не порвать, он извлек из щели плотно свернутый в узкую трубочку клочок промасленной бумаги — такие вкладывают на заводах внутрь барабанов перед запайкой свинцовой муфты.

— Что это? — шепотом спросил Костя, боясь пошевелиться.

Бумажка была желтой, замасленной, со следами пальцев в типографской краске.

Павел осторожно развернул ее на столе, разгладил обухом ножа.

Это был контрольный ярлык ОТК кабельного завода «Камкабель». Штамп треугольной формы, фиолетовые чернила.

«Партия № 114. Брак. Подлежит переплавке. Несоответствие по волновому сопротивлению и коэффициенту затухания. Свищи сварного шва коаксиальной пары».

Но самое страшное было не в этом.

Поверх треугольного штампа браковки наискосок, широким канцелярским пером, красными чернилами была наложена резолюция:

«Отгрузку на объект 501-Север разрешаю в счет покрытия дефицита по фондам третьего квартала. Списание брака провести по акту рекламации № 88-У. Зам. начальника управления снабжения Минтрансстроя СССР…»

И подпись. Короткая, резкая, словно удар шашки.

Павел вгляделся в эту подпись, и память прежней жизни услужливо щелкнула архивным реле.

Эту фамилию он знал. В будущем этот человек станет заместителем министра, лауреатом Государственной премии, кавалером трех орденов Ленина, неприкасаемым вельможей брежневской эпохи, чьи портреты будут печатать в газете «Правда» на первых полосах.

Вот почему Савицкий чувствовал себя в абсолютной безопасности. Ниточка тянулась не на стройку, не в трест и даже не в Главтрансстрой. Она уходила прямо в союзное министерство, на самый верх номенклатурной пирамиды. Студент Бауманки для них был даже не пешкой — пылью под сапогами, расходным материалом, чьей подписью прикрыли чудовищную миллионную аферу.

— Паша… — голос Кости дрожал мелкой дрожью. Он тоже прочитал фамилию на ярлыке. Для простого советского студента эта фамилия звучала как имя громовержца с Олимпа. — Мы… мы не должны были этого видеть. Спрячь. Сожги сейчас же на плитке! Скажи завтра Савицкому, что потерял полевой журнал, что заболел, ложись в больницу, бери академический отпуск! Они же нас сотрут в порошок!

Павел медленно поднял голову.

В его взгляде не было страха. Был только холодный, злой азарт опытного волка, которого загнали за флажки неопытные егеря, не знающие, с кем связались.

— Спрятать? — тихо переспросил Павел. — Если я сожгу этот ярлык, Костя, завтра в девять пятнадцать на моих руках защелкнутся наручники. Савицкий уже сдал документы в прокуратуру. Дело заведено. И когда следователь спросит меня, почему я подписал липовый акт, мне нечего будет положить на стол, кроме собственных соплей. А сопли к делу не пришьешь.

Он аккуратно переложил промасленный ярлык в прозрачный целлулоидный конверт из-под логарифмической линейки, заклеил торец синей изолентой и спрятал во внутренний карман пиджака, прямо к сердцу, под комсомольский билет.

— Что ты собираешься делать? — Костя смотрел на него снизу вверх с почти суеверным ужасом. Перед ним сидел не его вечно сонный сосед Пашка, с которым они делили пачку макарон и бегали на танцы в МЭИ. Перед ним сидел чужой, страшный человек.

— Я пойду на встречу, — ответил Павел. Голос звучал мерно, веско, припечатывая каждое слово. — Но играть по их правилам я не стану. Савицкий думает, что вызвал на ковер перепуганного мальчишку, которому можно пообещать трешку в Измайлово и запугать исключением из комсомола. Он не знает, что мальчик умер.

Павел взглянул на часы на стене — круглые, в жестяном крашеном ободе, с громким стрекочущим маятником. Без двадцати восемь вечера.

— Мне нужен доступ на кафедру, — бросил он Самойлову. — В лабораторию высокочастотных измерений. К генератору стандартных сигналов Г4-44 и селективному микровольтметру.

— Ты с ума сошел?! Корпус закрыт с семи! Там дежурит вахтер, старый фронтовик Степаныч, он без спецпропуска родную мать не пустит!

— Степаныч пустит, если принести ему полбуханки «Бородинского» и сказать, что профессор Лебедев лично велел снять контрольные осциллограммы для срочного отчета в ВПК. Степаныч на слове «оборонка» во фрунт вытягивается. Собирайся, Костя. Один я приборы не утащу.

— Какие приборы?! Ты хочешь вынести лабораторное оборудование из МВТУ?! Это же хищение государственного имущества в особо крупных…

— Мы не похищаем, — отрезал Павел, надевая тяжелое драповое пальто с потертым воротником. — Мы берем во временное пользование для проведения следственного эксперимента. Если мы не снимем инструментальные графики затухания сигнала на этом бракованном куске кабеля до девяти утра и не заверим их круглой печатью лаборатории у Лебедева, завтра вечером мы с тобой будем давать показания в Лефортово. Ты со мной, Самойлов? Или мне искать других попутчиков?

Костя сглотнул ком в горле, глядя на широкую спину товарища. В комнате повисла тяжелая, густая тишина, нарушаемая лишь тиканьем ходиков.

— С тобой, — хрипло выдохнул механик. — Куда я теперь денусь… Черт бы побрал твой Севердорстрой!

Павел подошел к двери, взялся за медную ручку и замер.

Снаружи, в темном коридоре общежития, раздались тяжелые, неторопливые шаги. Скрипнули некрашеные половицы. Шаги были казенными, уверенными — так ходят люди, привыкшие открывать любые двери без стука.

Шаги затихли прямо перед их комнатой.

В тишине отчетливо щелкнул металлический замок кобуры, задевший пуговицу пальто.

Павел не сделал ни шага назад. Он лишь чуть сместил центр тяжести, пружинисто опершись на правую ногу, и повернул голову к зеркалу.

В щербатом стекле отразилось его молодое лицо с нечеловечески спокойными, хищными глазами.

Раздался короткий, властный стук костяшек пальцев по дереву.

— Корнилов Павел Александрович здесь проживает? — донесся из-за двери сухой, простуженный голос. — Откройте. Капитан госбезопасности Воронов. Нам необходимо срочно побеседовать. По вопросу аварии на семьдесят девятом километре Северной трассы.

Глава 2. Разговор в парткоме

Медная дверная ручка обожгла ладонь сырым, въедливым холодом неотапливаемого коридора.

Павел не стал дожидаться повторного стука. Плавным, экономным движением — без суеты, но с той расчетливой неспешностью, какая бывает у саперов на третьем часе разминирования, — он повернул защелку и распахнул крашеную филенчатую створку наружу.

В узком проеме коридора, освещенном сиротливой сорокаваттной лампочкой без плафона, стояли двое. Тот, что повыше, в расстегнутом сером драповом пальто с примятым каракулевым воротником, держал правую руку в кармане — ткань оттопыривалась тяжелым угловатым грузом служебного ПМ. Лицо у него было землистое, не знавшее солнца, со следами въевшейся в поры копоти казенных папирос и глубокими складками у бесцветных, точно вываренных губ. Второй, помоложе, в стандартном милицейском бушлате, мялся чуть поодаль, в тени мусоропровода, держа под мышкой пухлую картонную папку с завязками.

— Корнилов? — повторил капитан. Голос звучал глухо, с хрипотцой закоренелого курильщика, привыкшего подолгу цедить слова сквозь стиснутые зубы.

— Он самый, — спокойно отозвался Павел, даже не шелохнувшись. Глаза гостя он встретил прямо, без холопской суеты и без наглости, фиксируя каждую мелочь: влажные разводы на яловых сапогах, след от свежесорванной петлицы на внутреннем борту пальто, запах крепкого дешевого одеколона «Тройной», смешанный с душком сырого бензина и лежалого сукна. — А вы, товарищ капитан, я погляжу, ордер в кармане греете или пока так, на правах политинформации заглянули?

За спиной Павла шумно, прерывисто втянул воздух Костя Самойлов. Звякнул задетый ногой гаечный ключ на верстаке.

Капитан Воронов медленно, с легким скрипом кожи вынул руку из кармана. В пальцах у него было не оружие, а красное тисненое удостоверение с золоченым гербом. Он развернул его перед самым носом Павла — ровно на три положенные секунды: Управление КГБ по городу Москве и Московской области, капитан Воронов А. И., отдел контрразведывательного обеспечения промышленных объектов.

— Юморист, значит, — бесстрастно констатировал Воронов, пряча корочку во внутренний карман. — Остроумие береги, Корнилов. В машине пригодится. Собирайся. Семь минут на сборы.

— Куда? — подал голос из глубины комнаты побелевший Костя. Руки у механика мелко подрагивали, он судорожно комкал в кулаке замасленную ветошь. — Паша ни в чем… Мы же только расчеты вели! Лаборатория не отвечает за монтаж на трассе!

Воронов даже не повернул головы в сторону механика. Его взгляд, цепкий и тяжелый, как чугунная болванка, скользнул по разложенным на столе Павла чертежам, задержался на коробке с радиолампами, на срезе высоковольтного кабеля с оплавленной полимерной жилой.

— Не в Лефортово, товарищ студент, успокойся, — сухо бросил чекист. — До Лефортово твой напарник еще не дорос. Нас ждут на Старой площади. Экстренное выездное бюро парткома главка и министерства. Там товарищи из союзного комитета уже два часа чаи гоняют, не знают, на кого списать прорыв насыпи и крушение спецсостава. Твоя фамилия, Корнилов, в докладной записке первой строчкой подчеркнута красным карандашом.

Павел неторопливо снял с гвоздя шарф грубой вязки, аккуратно обмотал шею, пряча подбородок от промозглого сквозняка, и застегнул пальто на все пуговицы. В голове, словно на счетно-перфорационной машине, с сухим щелканьем укладывались вводные данные.

Крушение спецсостава. Значит, не просто сбой телеметрии. Не банальный отказ стрелочного перевода из-за мороза. На семьдесят девятом километре сошел под откос литерный

поезд. И министерские крысы из «Главстроймеханизации» уже включили отработанный аппаратный насос по перекачке вины на самый нижний, безответный уровень — на кафедру автоматики МВТУ и безымянных лаборантов, чьи подписи стояли на актах опытной эксплуатации кабельных трасс.

— Образцы кабеля я беру с собой, — сказал Павел. Это был не вопрос, а констатация.

Милиционер у мусоропровода дернулся было вперед, но Воронов едва заметно повел подбородком, останавливая подчиненного.

— Бери, — прищурился капитан, и в глубине его выцветших зрачков мелькнуло что-то похожее на профессиональное любопытство сыщика, почуявшего след. — Только если твои стекляшки окажутся пустышкой, Корнилов, оттуда ты выйдешь уже без пальто. И без диплома.

— Они не пустышка, капитан. Они — чья-то расстрельная статья по хищениям в особо крупных, — ровно ответил Павел, убирая запаянный в полиэтилен кусок жилы во внутренний карман. — Костя, закрой комнату на два оборота. И ни с кем не разговаривай. Даже с деканом.

— • —

Черная «Волга» ГАЗ-24 с матовыми спецномерами серии МКМ шла сквозь предутреннюю московскую хлябь без сирены, но с напором тяжелого танка. Дворники с надсадным резиновым скрипом смахивали с лобового стекла серую кашу из мокрого снега и несгоревшей солярки.

Павел сидел на заднем диване, ощущая спиной холодную упругость дерматина. Рядом молчал Воронов. В салоне пахло сырой шерстью, бензином из неплотной горловины бака и мятным табаком ленинградских «Беломорканал». Никаких разговоров по дороге не было — чекист лишь однажды бросил короткий взгляд в зеркало заднего вида, проверяя, не следит ли за ними хвост от Бауманской. То, что капитан госбезопасности проверял слежку в собственном ведомственном районе, сказало Павлу больше, чем сотня оперативных справок: в верхах шла грызня без правил, и Воронов в этой игре вел собственную партию, рискуя погонами не меньше, чем Павел — свободой.

Здание Министерства транспортного строительства на Садово-Спасской встретило их массивной громадой сталинского ампира. Чугунные решетки, гранитные ступени, скользкие от соли, и стеклянная вертушка проходной, за которой дежурил наряд внутренних войск в парадных шинелях с красными погонами.

Лифт с дубовыми панелями поднял их на четвертый этаж. Здесь воздух был совсем другим — густым, неподвижным, пропитанным запахом казенной мастики, политуры кремлевских столов, дорогого табака «Герцеговина Флор» и застарелого, глухого страха, въевшегося в ковровые дорожки цвета перезревшей брусники.

Воронов толкнул массивную двустворчатую дверь под табличкой с золотыми буквами: «ПАРТКОМ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ТРАСС».

В просторном кабинете царил полумрак, разгоняемый лишь зелеными конусами двух настольных ламп на длинном Т-образном столе, крытом засаленным зеленым сукном. Окна были наглухо зашторены тяжелым бордовым бархатом, отсекавшим серый утренний свет столицы.

За столом сидели пятеро.

Во главе стола возвышался первый секретарь парткома Главка — Роман Лукич Зотов. Мужчина лет шестидесяти, с массивной головой каменотеса, тяжелым подбородком и редкими седыми волосами, зачесанными назад. На его потертом темно-синем шевиотовом пиджаке тускло поблескивала планка орденов Отечественной войны и Красной Звезды. Перед Зотовым стоял граненый стакан в мельхиоровом подстаканнике, до половины наполненный остывшим крепким чаем цвета коньяка, и пепельница, до краев забитая окурками «Казбека».

По правую руку от секретаря сидел человек, которого Павел опознал мгновенно — хотя в этой жизни видел его портреты лишь на ведомственных стендах. Заместитель начальника

технического управления Главка, ставленник замминистра Широкова — Геннадий Павлович Рыбин. Безупречный импортный костюм мышиного цвета из тонкой шерсти, золоченые запонки с янтарем, гладко выбритое холеное лицо с едва заметной синевой на щеках и холодные, заплывшие высокомерием глаза бюрократа, привыкшего давить подчиненных одной росписью перьевой ручки.

Рядом жались двое перепуганных инженеров-ведомственников с красными от бессонницы глазами и стенографистка с блокнотом.

— Доставил, Роман Лукич, — негромко доложил Воронов, оставаясь стоять у самой двери и заложив руки за спину. Чекист мгновенно растворился в пространстве кабинета, превратившись в безмолвного наблюдателя с нейтральным выражением лица.

Зотов медленно поднял тяжелый взгляд на Павла. Рука секретаря с узловатыми пальцами старого производственника замерла над окурком.

— Корнилов? — голос партсекретаря прозвучал как удар медного колокола по сырой земле. — Студент-дипломник? Комсомолец?

— Член ВЛКСМ с семьдесят второго года, — ровным, чеканным голосом ответил Павел, делая три строевых шага вперед и останавливаясь точно перед Т-образным столом. — Корнилов Павел Александрович. Руководитель исследовательской группы стендовых испытаний кафедры вычислительной техники и автоматики.

Рыбин справа издал короткий, ядовитый смешок, поправив янтарную запонку.

— «Руководитель группы»… Слышите, Роман Лукич, каков масштаб? Мальчишка без пяти минут инженер, сопли под носом не обсохли, а берется подписывать экспертные заключения на государственную приемку стратегической кабельной трассы! — Рыбин резко подался вперед, ударив ладонью по стопке папок. — Товарищ Зотов, о чем тут разговаривать? Сводка из Мурманска пришла полтора часа назад. В четыре сорок утра на перегоне семьдесят девятого километра произошел катастрофический отказ телемеханической системы СЦБ. Входной светофор выдал ложный зеленый. Состав с обогащенной рудой врезался в хвостовые цистерны наливного поезда. Десять цистерн под откосом, полотно снесено на протяжении полукилометра, движение парализовано! Убытки — миллионные! Срыв графика поставок сырья на оборонные заводы Ленинграда!

Стенографистка испуганно застрочила в блокноте, ее карандаш бешено шуршал по бумаге. Инженеры вжали головы в плечи.

— И причина? — глухо спросил Зотов, не сводя взгляда с Павла.

— Причина перед вами! — палец Рыбина с холеным ногтем уткнулся в грудь Павла. — Преступная халатность! Бауманская лаборатория выдала заключение о пригодности экспериментальной партии кабеля КВВГ-СЭ для условий Крайнего Севера. А кабель не выдержал сорокаградусного мороза! Произошел сквозной пробой изоляции, короткое замыкание шины управления и ложное срабатывание реле блокировки. Это чистая шестьдесят девятая статья Уголовного кодекса — вредительство, прикрытое студенческой безответственностью! Заместитель министра товарищ Широков лично дал указание: материалы передать военному прокурору, виновных арестовать прямо в этом кабинете!

Тишина, повисшая в парткоме после этих слов, стала вязкой, давящей. Слышно было, как за бархатными шторами глухо урчит мотор снегоуборочной машины на Садовом кольце.

Павел не дрогнул. Он чувствовал, как внутри закипает холодная, кристаллическая ярость — то самое состояние, которое в прошлой жизни позволяло ему вытаскивать безнадежные проекты из-под ударов рейдеров и силовых ведомств. Перед ним была классическая бюрократическая подстава: свалить вину за системный производственный брак на лабораторных стрелочников, пока ревизия не вскрыла реальные цепочки поставок.

— Товарищ секретарь, разрешите обратиться к фактам? — не повышая тона, произнес Павел.

— Говори, Корнилов, — Зотов медленно раздавил окурок в пепельнице. — Но помни: здесь партком, а не клуб художественной самодеятельности. За каждое слово ответишь перед партией.

— Именно перед партией я и хочу ответить, Роман Лукич. Потому что перед нами — не халатность лаборатории. Перед нами — умышленный подлог, совершенный аппаратом Главснаба под непосредственным прикрытием технического управления, — Павел сделал паузу, давая смыслу фразы осесть в головах присутствующих.

Рыбин дернулся на стуле, лицо его пошло багровыми пятнами.

— Что?! Да как ты смеешь, щенок!..

— Помолчите, Геннадий Павлович, — неожиданно жестко оборвал его Зотов. Старый фронтовик нутром почуял запах пороха. — Продолжай, Корнилов.

Павел вынул из внутреннего кармана пальто полиэтиленовый пакет и положил его на зеленое сукно прямо перед секретарем. В тусклом свете лампы тускло блеснул оплавленный срез черного кабеля.

— Вот это — кусок жилы, снятый с контрольного барабана на складе МВТУ. Наша лаборатория испытывала кабель марки КВВГ-СЭ. СЭ — это «Северный, экранированный». В его паспорте указана изоляция из сшитого полиэтилена высокого давления с добавлением термостабилизаторов и фторопластовой оболочки. Температурный порог хрупкости — минус шестьдесят пять градусов Цельсия. Расчеты кафедры абсолютно верны, и мы готовы подтвердить их на любом стенде.

— Ну и что ты нам суешь этот обрубок?! — взвился Рыбин, нервно поправляя галстук. — На трассе лежал именно этот кабель! Он сгорел! Твои расчеты — липа!

— На трассе лежал не этот кабель, товарищ Рыбин, — Павел наклонился над столом, опершись костяшками пальцев о сукно, и посмотрел прямо в сузившиеся глаза чиновника. — На семьдесят девятый километр по накладной Главснаба номер сорок восемь дробь двенадцать ушел совершенно другой материал. Кабель марки ТПП в обычной поливинилхлоридной оболочке с добавлением вторичного пластификатора. Кабель для телефонных сетей южных регионов! При температуре ниже тридцати градусов этот ПВХ теряет пластичность, превращается в стекло и трескается от малейшей вибрации железнодорожного полотна.

В комнате стало слышно, как тяжело и с хрипом дышит Зотов.

— Откуда такие сведения, Корнилов? — медленно, с расстановкой спросил секретарь. — Ты обвиняешь Главснаб в подлоге? Знаешь, чем это пахнет?

— Это пахнет расстрельной статьей за хищение в особо крупных размерах и саботаж, Роман Лукич, — отчеканил Павел. — Стоимость километра кабеля со сшитым фторопластом — восемьсот сорок рублей по ведомственному прейскуранту. Стоимость южного телефонного ТПП — шестьдесят две копейки за метр. Разница по всей протяженности перегона — более двухсот тысяч полновесных советских рублей. Эти деньги были списаны по фондам спецпоставок как высокотехнологичные материалы, а на трассу загнали копеечный утиль, который пылился на складах в Ташкенте с пятьдесят девятого года.

— Ложь! Клевета! — закричал Рыбин, вскакивая с места. Его холеная маска слетела окончательно, в глазах плескался панический, крысиный ужас. — Роман Лукич, не слушайте его! Это провокация! Он пытается выгородить себя и своего профессора Лебедева! Где доказательства?! Где акты входного контроля?!

— Доказательства? — Павел усмехнулся одними уголками губ. — Они у вас в техническом управлении, Геннадий Павлович. В третьем экземпляре акта рекламации от пятнадцатого числа, на котором стоит ваша личная виза: «Отклонить за необоснованностью, смонтировать в счет лимитов третьей декады». А химический анализ… Воронов, передайте товарищу секретарю экспресс-справку.

Капитан Воронов, не меняя бесстрастного выражения лица, сделал два шага вперед и положил на сукно перед Зотовым сложенный вдвое лист серой типографской бумаги с синим угловым штампом лаборатории спектрального анализа МВТУ.

Зотов надел роговые очки, придвинул лист к лампе и вчитался. В тишине кабинета отчетливо стучали ходики на стене. Минутная стрелка шумно перещелкнулась на четверть седьмого. Лицо секретаря темнело с каждой секундой, на висках вздулись толстые синие вены.

— Хлорированные парафины… шестьдесят процентов мела в качестве наполнителя… деструкция полимерной сетки при минус двадцати двух… — вслух читал Зотов, и каждое слово падало в тишину кабинета, как гильза на асфальт. Он поднял глаза на Рыбина. — Это что такое, Геннадий Павлович?

Рыбин стоял белее мела, пальцы его судорожно скребли край стола.

— Роман Лукич… это недоразумение. Спешка с пуском объекта… Замминистра требовал сдать трассу к ноябрьскому пленуму ЦК… Нам не выделили валютных фондов на импортный пластификатор, завод в Дзержинске сорвал поставку… Мы согласовали временную замену…

— Временную замену? — прорычал Зотов, тяжело поднимаясь из-за стола. Огромный, грузный, он навис над столом, и лампа снизу осветила его лицо, сделав похожим на каменное изваяние карающего правосудия. — Ты на стрелочные переводы литерного направления бросил телефонную лапшу, сукин ты сын?! Ты подставил под удар государственную безопасность, чтобы прикрыть задницу Широкова и получить премию за досрочный ввод?!

Рыбин рухнул обратно на стул, тяжело хватая ртом воздух. Стенографистка сидела, замерев с занесенным карандашом, боясь дышать.

Павел наблюдал за сценой с предельной концентрацией. Первый раунд был выигран: удар отведен от лаборатории, вектор удара развернут на сто восемьдесят градусов. Но Павел слишком хорошо знал анатомию советской номенклатуры. Разъяренный партсекретарь — это страшная сила, но замминистра союзного значения — это скала, о которую разбивались и не такие волны.

Зотов тяжело перевел дыхание, медленно опустился в кресло и посмотрел на Павла долгим, оценивающим взглядом. В этом взгляде уже не было подозрения — в нем появилось уважение к хватке молодого инженера, но одновременно и глубокая, горькая партийная тоска.

— Ты смелый парень, Корнилов, — глухо произнес Зотов. — И голова у тебя варит как надо. Но ты понимаешь, во что ты сейчас сунул руку?

— Понимаю, товарищ секретарь. В высоковольтный щит под нагрузкой.

— Хуже, — Зотов криво усмехнулся. — Ты сунул ее в механизм, где шестеренки отлиты из броневой стали. Широков — кандидат в члены ЦК. Он эту бумагу из твоей лаборатории сожрет вместе с профессором Лебедевым и даже минеральной водой не запьет. Завтра в десять утра начнется коллегия министерства. Если до десяти утра у меня не будет на руках не предварительной справки, а полноценного, заверенного тремя НИИ заключения государственной экспертизы с выездом на место аварии и изъятием физических улик — этот кабинет закроют, меня отправят на пенсию, а тебя… тебя капитан Воронов все-таки отвезет туда, о чем ты шутил в общежитии.

Зотов сгреб со стола бумагу с химическим анализом, сложил ее вчетверо и сунул во внутренний карман пиджака.

— Даю тебе двадцать четыре часа, Корнилов. Ровно сутки. С этой минуты ты включен в состав экстренной комиссии парткома. Воронов выделит тебе транспорт и обеспечит допуск на спецсклады Главка. Твоя задача — вскрыть опечатанный вагон с контрольной партией кабеля на станции Лосиноостровская до того, как его загонят в тупик и сожгут под видом санитарной утилизации. Справишься — спасешь институт и снимешь удавку с людей. Не справишься — пеняй на себя. Вопросы есть?

— Вопросов нет, товарищ секретарь, — четко ответил Павел. — Есть просьба. Мне нужен свободный доступ к центральному коммутатору диспетчерской связи Северного узла.

Зотов на секунду прищурился, словно взвешивая на внутренних аптекарских весах дерзость требования, затем коротко кивнул:

— Воронов выпишет пропуск особого сектора. Все, свободны. Рыбин — останься. Будем оформлять персональное дело.

— • —

Когда они вышли в длинный, гулкий коридор министерства, серый ноябрьский рассвет уже сочился сквозь высокие арочные окна, окрашивая казенные стены в цвет мокрого бетона.

Павел шел по ковровой дорожке, чувствуя, как адреналиновый откат тяжелит плечи. Это была победа, но локальная, тактическая. В шахматах такой ход назывался «гамбит с жертвой темпа»: он выиграл время, но загнал себя на передовую чужой, смертельно опасной войны кланов.

Капитан Воронов поравнялся с ним у выхода на парадную лестницу. Чекист закурил очередную папиросу прямо под плакатом «Курить строго воспрещается», щелкнув массивной бензиновой зажигалкой, сделанной из артиллерийской гильзы.

— Лихо ты его срезал, Корнилов, — негромко, почти сквозь зубы произнес Воронов, выпустив струю сизого дыма в сторону лепного карниза. — Я думал, ты на втором вопросе поплывешь. Откуда про ташкентский склад узнал? Об этом даже в нашем управлении только вчера вечером шептаться начали.

Павел не повернул головы, продолжая спускаться по широким ступеням.

— Логистика, капитан. Если в стране дефицит сырья, чиновники лезут в резервы Госплана третьей категории. А они сосредоточены в Средней Азии. Любой толковый инженер умеет читать накладные лучше следователя.

Воронов хмыкнул, но тут же помрачнел. Он неожиданно протянул руку, крепко перехватив Павла за локоть чуть выше сустава, заставляя остановиться на промежуточной площадке лестницы, под огромным витражом с изображением советских строителей.

Пальцы у чекиста были железные. Глаза смотрели в упор — без тени прежней казенной скуки, с холодной, колючей тревогой.

— Ты молодец, парень. Гордый. Только зря ты перед Зотовым соловьем разливался насчет профессора Лебедева и повторной экспертизы.

Павел насторожился, мгновенно подобрав мышцы:

— Что с Лебедевым?

Воронов затянулся папиросой, огонек вспыхнул багровым, осветив угловатые скулы капитана.

— Нет больше твоего профессора, Корнилов, — тихо, почти одними губами сказал чекист. — Сорок минут назад, пока мы к министерству ехали, его «Москвич» нашли на набережной Яузы. Пробито ограждение, машина на дне. Сам Лебедев в реанимации Склифа без сознания, отек мозга, до вечера не дотянет. А из его рабочего сейфа на кафедре подчистую выгребли все лабораторные журналы за последние три месяца. Вместе с контрольными образцами кабеля.

Воронов выпустил дым и сжал локоть Павла так, что хрустнула ткань драпа:

— Так что на Лосиноостровскую ты поедешь один, инженер. И если комиссия Широкова перехватит тот вагон раньше нас… второго инфаркта у твоего профессора не будет. Тебя просто спишут в расход при попытке незаконного проникновения на охраняемый объект МПС. Машина внизу. Ты все еще хочешь спасать страну, Корнилов?

Глава 3. Ночная смена во втором цеху

Холодная скоба пожарной лестницы обожгла ладонь сквозь грубую ткань рабочей рукавицы даже быстрее, чем сырой ноябрьский сквозняк добрался до взмокшей под драповым пальто спины.

Павел перекинул ногу через ограждение технологического перехода, задержал дыхание, вслушиваясь в плотный, гулкий рев, доносившийся сквозь остекление верхнего яруса. Никаких сирен. Никакого топота сапог ведомственной охраны. Только мерный, тяжелый, дробящий кости бас работающих электродвигателей и лязг транспортерных цепей.

Завод имени Куйбышева не спал. Ему не полагалось спать, когда до закрытия годового плана по валовому выпуску оставалось меньше семи недель, а на третьем этаже заводоуправления до рассвета горели желтые прямоугольники окон планово-экономического отдела.

Воронов высадил его в двух кварталах от грузового въезда станции Лосиноостровская, у глухого забора из щербатого силикатного кирпича, по верху которого змеилась ржавая егоза. Чекист даже не заглушил мотор служебной «Волги». Только перегнулся через пассажирское сиденье, щелкнул замком бардачка и молча швырнул Павлу на колени синюю сатиновую спецовку с замасленным трафаретом «ЦЕХ №2» на лопатке и временный пропуск без фотографии, выписанный на имя техника-наладчика инструментального участка Дроздова.

«У тебя сорок минут до того, как маневровый тепловоз протолкнет вагон номер 44-12-890 на заводскую ветку, — сказал тогда Воронов, не вынимая изо рта папиросы. — Внутрь я с тобой не полезу. Если меня там увидят до того, как лягут факты на стол председателю Комитета, нас обоих закопают на полигоне в Кунцево как диверсантов-одиночек. Брать образцы будешь сам. Живым или мертвым — мне все равно, Корнилов. Главное — доставь мне отрезок жилы из первой бухты с заводским клеймом приемщика. Если кабеля в Москве не окажется, Широков завтра подпишет акт о списании состава на брак прямо на путях, и медь растворится в воздухе».

Павел спрыгнул с площадки на железные мостки, тянувшиеся вдоль подкрановых путей. Металл под подошвами ботинок мелко, непрерывно вибрировал.

Запах здесь был другой, не министерский. Никакого полированного дуба, никакого казенного табака «Герцеговина Флор» и сладковатого духа папок из плотного прессованного картона. Здесь пахло жженой касторовой эмульсией, едким чесночным духом перегретого полиэтилена высокого давления, окалиной и тем особым, кислым, оседающим на языке привкусом медной пыли, от которого у людей к сорока годам начинался неустранимый фиброз легких.

Второй цех кабельного завода представлял собой циклопическую трехпролетную кишку из сборного железобетона длиной почти в двести метров. Внизу, в мутном мареве, прорезанном пыльными желтыми лучами подвесных ртутных ламп ДРЛ, тяжело ворочалась технологическая линия волочения и непрерывного изолирования.

Павел присел за стальным пилоном несущей колонны, вытирая рукавом холодный пот со лба. Глаза привыкали к свету.

Тактический расчет требовал хладнокровия, граничащего с цинизмом. Документы на вагон — это полдела. Бумагу в этой стране научились подделывать виртуозно еще во времена первых пятилеток: накладная МПС формы ГУ-29 с фиктивным штемпелем станции отправления, липовый сертификат качества ОТК с треугольной мастичной печатью — всё это разбивалось о любую встречную ревизию, если за спиной ревизора стоял заместитель министра. Настоящим доказательством могла стать только сама медь. Ее кристаллическая решетка. Процентное содержание мышьяка, сурьмы и кислорода, которое никакая министерская директива не могла стереть из физической реальности.

Линия волочения работала с перебоями. Даже отсюда, с высоты десяти метров, Павел видел то, чего не замечал сонный дежурный инженер, сидевший в остекленной конторке на помосте.

Стан грубого волочения — массивный пятитонный немецкий агрегат «Хемниц», вывезенный по репарациям в сорок шестом и модернизированный местными умельцами до неузнаваемости — захлебывался. Тяговые барабаны вращались с глухим, надсадным воем. Охлаждающая эмульсия в ваннах не циркулировала прозрачной белесой пеной, а выплескивалась комьями грязно-серой жижи.

«Тянут без промежуточного отжига, — мгновенно зафиксировал мозг Павла, раскладывая увиденное на технологические параметры. — Скорость занижена минимум на сорок процентов. Почему? Потому что пруток не электротехнический. В нем запредельная концентрация примесей. Если дать паспортные восемьсот метров в минуту, катанка начнет рваться в фильерах каждые триста метров. Они ее берегут. Они пытаются прогнать партию втайне, на пониженных оборотах, пока цех пустой».

На полу возле приемного барабана экструдера суетились четверо.

Один из них, в брезентовой робе поверх ватника, с наглухо застегнутым воротом и надвинутой на самые брови вязаной лыжной шапочке, стоял у пульта управления с секундомером в руке. Рукава закатаны, на предплечьях — вздувшиеся темные жилы и старые следы термических ожогов от брызг горячего пластиката. Старший мастер смены. По движениям — из тех кадровых заводских волков, которые по запаху выхлопа вентиляции могут определить, какую марку полимера засыпали в загрузочный бункер.

Рядом с ним нервно переступал с ноги на ногу второй — молодой, в щегольской серой болоньевой куртке, совершенно неуместной в производственном цеху, и в начищенных до блеска демисезонных чешских ботинках. Он то и дело поглядывал на массивные наручные часы и что-то втолковывал мастеру, тыча пальцем в раскрытую канцелярскую папку.

— …я тебе русским языком говорю, Дронов! — донесся до Павла резкий, срывающийся на фальцет голос пижона в болонье, когда гул волочильного стана на пару секунд просел. — Под твою личную ответственность! В шесть утра комиссия главка должна видеть готовые барабаны на рампе! Акты входного контроля я сам подписал. Тебе какое дело, чья катанка? Тебе план закрывать или партбилет на стол положить охота?

Мастер — Дронов — сплюнул под ноги прямо на рифленую чугунную плиту пола, не глядя на визжащего начальника. Достал из кармана ватника сплющенную пачку «Севера», выудил папиросу, чиркнул спичкой о коробок, прикрывая огонек широкой, закопченной ладонью.

— Ты мне, сопляк, партбилетом не тычь, — глухо, с тяжелой хрипотой ответил мастер. Дым из его ноздрей повалил густой и сизый, смешиваясь с цеховым чадом. — Твой тесть в министерстве сидит, он тебя отмажет, если проводка на объекте задымит. А меня под тридцать девятую статью подведут. Сам посмотри на разрывную пробу. Катанка жесткая, как рессорная сталь. Предел прочности — тридцать пять килограммов на квадрат вместо двадцати двух. Там кислорода полпроцента! Это не медь для силового кабеля связи, это отходы рафинирования, переплавленные в тиглях на черметзаводе! Ее нельзя на экструдер подавать, изоляция пузырем пойдет при охлаждении!

— План горит, Дронов! — Болоньевая куртка дернулась. — Решение коллегии министерства! Экспериментальная партия! Заказчик согласовал пониженное сечение жилы с пересчетом по плотности тока. Ты шнек на тройку ставь, на тройку, говорю! Давление расплава подними, пластификатор свяжет микротрещины!

— Да пошел ты к чертовой матери со своим шнеком, — тихо, но так веско произнес мастер, что молодой осекся. — Запорем волоки — я тебя самого вместо фильеры в обойму загоню.

Павел медленно двинулся по мосткам к технологическому спуску. Каждый шаг выверен до миллиметра. В советском цеху ночью нет посторонних звуков: стук подковки сапога о рифленое железо разносится под сводами, как выстрел. Он ступал мягко, перекатом, наступая на головки заклепок, гасящих вибрацию.

Ему нужен был не просто кусок провода. Ему нужен был кусок с входного конца, до того, как его обожмет полиэтиленовая рубашка, и — главное — контрольный талон с маркировкой плавки из сырьевой клети.

Но добраться до сырьевой клети мешал этот холеный куратор из министерства.

Павел соскользнул вниз по вертикальной лестнице за массивный кожух вентиляционной установки низкого давления. Запах пыльного брезента и сухого машинного масла на мгновение забил нос. До пульта оставалось шагов пятнадцать.

И в этот момент на дальнем конце цеха, у раздвижных железнодорожных ворот, коротко, глухо рявкнул тифон маневрового тепловоза. Один длинный, два коротких. Подача состава на тупиковый путь.

Щеголь в болонье вздрогнул, захлопнул папку и почти побежал в сторону ворот, на ходу запахнув воротник.

— Дронов! Я на рампу, встречать накладные! Если через двадцать минут стан не выйдет на рабочий режим — пеняй на себя! Я лично Широкову доложу, что ты саботируешь правительственный заказ!

Дронов даже не повернулся. Он стоял, тяжело опираясь узловатыми руками на поручень пульта, и смотрел, как сквозь ванну первичного волочения медленно ползет тускло-багровая, лишенная живого золотистого блеска толстая медная проволока. На его лице, изрезанном глубокими складками у губ, застыло выражение бесконечной, смертельной усталости человека, который всю жизнь честно точил деталь, а на старости лет оказался вынужден закрывать глаза на откровенную, опасную туфту.

Павел вышел из-за кожуха вентилятора без суеты. Спокойным, размеренным шагом штатного заводского работника, спешащего по делу, но без лишней спешки, выдающей чужака.

— Не выйдет он на режим, Трофим Игнатьевич, — негромко произнес Павел, остановившись в трех шагах за спиной мастера. — Можете даже обороты не накручивать. На шестом переходе заклинит тяговый конус.

Дронов не вздрогнул. Старые производственники не вздрагивают от внезапных голосов — они слишком привыкли к грохоту аварийных остановок. Мастер лишь медленно, с тягучим усилием повернул массивную шею. Маленькие, глубоко посаженные выцветшие глаза из-под белесых бровей уперлись в лицо Павла, цепко сканируя каждую деталь: синюю сатиновую спецовку, чистый подбородок, руки без въевшейся в поры графитовой смазки.

— Это еще что за птица? — голос у Дронова был похож на скрежет ненарезанной резьбы. — Из какой смены? Кто к пульту допустил?

— Ремонтная бригада бюро главного механика, — не моргнув глазом, соврал Павел, подходя вплотную к контрольной панели и бросая короткий, профессиональный взгляд на круглые циферблаты амперметров. — По аварийной заявке на биение шпинделя. Смотрите сюда, Игнатьич. Ток на третьем двигателе скачет от ста сорока до ста восьмидесяти ампер. Стрелка пляшет. Знаете, почему?

Мастер нахмурился, желваки на его квадратной челюсти качнулись, но взгляд машинально скользнул по прибору, подчиняясь непререкаемому тону инженерной уверенности.

— Чего ей не плясать… Металл неоднородный по сечению. Пруток «гуляет» на три десятки.

— Не металл, — сухо отрезал Павел, перехватывая инициативу, как опытный хирург перехватывает скальпель у растерявшегося ассистента. — Зерно крупное. В катанке нарушена технология вторичного раскисления. Когда она заходит в монолитную твердосплавную

фильеру, происходит микросваривание под давлением. Медь налипает на конус волоки. Еще пять минут такой протяжки — и победит лопнет от температурного напряжения. Осколки разнесут вам всю тяговую кассету. Ремонт встанет в трое суток. И вот тогда этот ваш мальчик в болонье спишет аварию лично на вас. Нарушение правил эксплуатации технологического оборудования с причинением ущерба в особо крупном размере. Статья пятьдесят восьмая в старой редакции, ныне — шестьдесят девятая УК РСФСР. Вредительство. До восьми лет с конфискацией.

Павел говорил быстро, тихо, без малейшей тени пафоса, сыпля терминами так, как говорят только люди, знающие сопромат и материаловедение на молекулярном уровне.

Дронов медленно вынул изо рта папиросу. Пепел упал ему на брезентовый фартук, но старик не стряхнул его. Он смотрел на Павла с внезапно проступившим подозрением, в котором сквозило нечто большее, чем обычная цеховая настороженность.

— Ты не из ОГМ, парень, — глухо сказал мастер. — У слесарей из механослужбы гонор другой, да и морды мазутом пахнут, а от тебя казенным одеколоном несет и… экспертизой. Ты кто такой? Откуда знаешь про раскисление? Про партию эту откуда знаешь?

— От профессора Лебедева, — в лоб бросил Павел, глядя мастеру прямо в зрачки.

Удар пришелся точно в цель. Дронов дернулся всем корпусом, будто его ударило остаточным зарядом с силового конденсатора. Папироса в его толстых пальцах надломилась.

— Глеб… Семенович? — одними губами переспросил он. — Так он же… в главке говорил, что не допустит эту дрянь до прокатки. Он мне лично в прошлый вторник звонил, когда первую опытную партию из Ташкента разгружали. Сказал: «Игнатьич, стой насмерть, не подписывай маршрутные листы, там не медь, там мышьяковистая отрава, на шахтные кабели ее пускать нельзя — люди сгорят в забое».

— Профессора два часа назад утопили в Яузе, — ровным, ледяным голосом сказал Павел. — Машина на дне, сам он в реанимации без памяти. Сейф на кафедре вскрыт, образцы и журналы испытаний исчезли.

В цеху на мгновение стало невыносимо шумно. Могучий агрегат выл, цепи лязгали, где-то под потолком с визгом пронесся мостовой кран, таща пустую стальную бадью. Но между Павлом и старым мастером повисла вакуумная, жуткая тишина.

Дронов побелел. Серая цеховая пыль на его щеках словно проступила резче, обозначив глубокие борозды морщин.

— Утопили?.. — прошептал он. Рука его потянулась к карману ватника, но замерла на полпути. — Значит… всё-таки они. Широков и этот… из министерства. Заместитель. Они же полгода назад всю первичную медь налево пустили, на экспорт через Прибалтику. А сюда эшелон вторичного шлака пригнали, переплавленного в Средней Азии на полукустарных печах. За этот вагон замминистра государственную премию себе выбил — «за экономию цветных металлов и рационализацию сырьевых ресурсов». Мать их за ногу…

Старик выругался грязно, отчаянно, с сухой яростью человека, перед которым внезапно рухнула вся его многолетняя, выстроенная честным трудом картина советского мира.

— Сколько у нас времени? — спросил Павел, не давая мастеру провалиться в шок.

— Маневровый уже зашел, — очнулся Дронов, лихорадочно вытирая ладонью сухие губы. — Вагон ставят под разгрузку в тупик номер два. Там Пряхин — это щегол в болонье, зять управляющего трестом. С ним двое из военизированной охраны завода, но не наши деды, а пришлые, с наганами. Им велено никого не подпускать. Разгрузят тридцать тонн чушек за два часа, загонят прямо в плавильное отделение, чтобы до утренней смены следов не осталось. А эту протяжку, — он ткнул кулаком в сторону визжащего стана, — приказано домотать, закрыть полиэтиленом и сразу на погрузочную платформу спецэшелона.

— Мне нужен кусок жилы, — жестко сказал Павел. — Метр. Без изоляции. С того участка, где металл пошел с задирами. И маркировочный ярлык с плавки.

Дронов посмотрел на него исподлобья. В глазах старого рабочего боролись страх — въевшийся за десятилетия инстинкт самосохранения перед всесильной номенклатурной машиной — и глухая, клокочущая гордость мастера, чьими руками пытались сотворить подлость.

— Ярлык в конторке лежит, во втором ящике сейфа, — хрипло проговорил Дронов. — Сейф опечатан личной печатью Пряхина. Пластилин тронешь — шум поднимется до небес. А жилу срезать… Стан надо тормозить. Аварийный сброс. Если на ходу резать гидравлическими ножницами — руку оторвет к лешему, там натяжение в полторы тонны.

— Тормозите, — приказал Павел.

— Ты с ума сошел? Сирена взвоет на весь цех! Пряхин прибежит через полторы минуты!

— Тормозите не аварийной кнопкой, — Павел шагнул к пульту, быстро пробежав глазами по маркировке тумблеров. — Дайте рассогласование скоростей между четвертым и пятым барабанами. Имитация перегрузки по фазе. Реле максимального тока выбьет главный масляный выключатель. Стан встанет плавно, автоматика решит, что захлебнулся двигатель. У вас будет сорок секунд, пока дежурный электрик полезет в щитовую менять вставку предохранителя.

Дронов посмотрел на Павла с искренним изумлением, смешанным с суеверным ужасом:

— Да откуда ж ты взялся такой, черт тебя дери?..

— Действуйте, Игнатьич! Времени нет!

Мастер стиснул зубы. Рука его, тяжелая, жилистая, привыкшая подчиняться только технологическому регламенту, легла на реостат подстройки привода. Пальцы едва заметно дрожали, но движение вышло точным, хирургическим. Он крутанул маховик против часовой стрелки на два деления.

Вой тяговых моторов мгновенно изменил тональность. Из ровного баса он превратился в надсадный, судорожный хрип. Толстая багровая жила на выходе из четвертой фильеры натянулась, как струна гигантского контрабаса, зазвенела на ультразвуковой ноте, и в глубине распределительного шкафа с сухим пушечным хлопком блеснула ослепительная синяя вспышка.

Освещение в цеху мигнуло, просело до темно-оранжевого накала нитей и снова вспыхнуло. Волочильный стан, тяжело содрогаясь и лязгая тормозными колодками, начал гасить обороты. Многотонные маховики по инерции провернулись еще дважды и замерли.

На цех обрушилась оглушительная тишина, прерываемая лишь шипением остывающей эмульсии в поддонах и свистом утечки сжатого воздуха из пневмосистемы.

— Пошел! — крикнул Дронов, срывая со стены тяжелые ручные рычажные ножницы для резки цветного проката. — Под третий барабан лезь! Там свободная петля!

Павел не заставил себя ждать. Перемахнув через замасленное ограждение, он скользнул под раму стана. Под ногами чавкала мерзкая жижа — смесь мыльной воды, машинного масла и мелкой медной стружки, въедавшейся в кожу сквозь штанины. Горячий металл пыхал в лицо сухим жаром; от неостывшей жилы несло жженой резиной и серой.

Он вцепился левой рукой в толстую медную заготовку диаметром чуть меньше сантиметра. Металл обжигал даже сквозь брезент рукавицы — температура была под восемьдесят градусов. Павел упер нижнюю губку ножниц в станину, навалился всем весом на верхний рычаг.

Металл сопротивлялся. Это действительно была не мягкая электротехническая медь марки М0 или М1, которая режется с ровным, маслянистым усилием. Это был грязный, неотожженный суррогат. Лезвия ножниц вошли в тело заготовки с металлическим хрустом, сталь заскрипела, по рукояткам ударила жесткая отдача. Павел зарычал сквозь зубы, вложив в рычаг всю массу тела, напрягая мышцы плеч и спины до судорожного звона в затылке.

Щелк!

Отрезок прутка длиной в локоть с тяжелым звоном упал в эмульсионный поддон. Павел схватил его, невзирая на обжигающий жар, сунул за пазуху спецовки, прижав локтем к ребрам через ткань пальто. Горячий металл тут же начал жечь бок, но боли он не чувствовал.

— Дронов! Что за чертовщина?! — из темного пролета со стороны рампы донесся яростный, задыхающийся вопль Пряхина. — Почему стан встал?! Какого черта свет моргает?!

Павел выкатился из-под станины в тень за накопительным барабаном за секунду до того, как щеголь в распахнутой болонье влетел на помост конторки. За ним тяжело бежали двое в серых шинелях с синими петлицами ВОХР, с кобурами на брезентовых ремнях.

— Фазу выбило! — рявкнул Дронов, не выпуская из рук промасленного обтирочного конца. Он стоял перед щитом, остервенело размахивая ветошью, из-под которой еще струился сизый дымок перегоревшей изоляции. — Я тебе говорил, сопляк, что привод не выдержит твоего перегруза?! Двигатель задымил! Электрик в подстанцию побежал, если обмотка погорела — сам к токарному станку встанешь новый ротор мотать!

Пряхин подскочил к пульту, его тонкие губы перекосило от злобы:

— Ты мне зубы не заговаривай, старый хрыч! Я видел, тут кто-то крутился! Кто с тобой был?!

— Слесарь из дежурки был! — Дронов шагнул навстречу начальнику, и в его широкой, тяжелой фигуре вдруг прорезалась такая глухая, звериная мощь рабочего класса, перед которой хлипкий номенклатурный выдвиженец машинально отступил на шаг. — Гайки на редукторе подтягивал! А ты мне людей не пугай, Пряхин! Ты сюда наганы зачем притащил? Ты на кого охрану натравить вздумал? На рабочий класс?! А ну пошли вон из цеха оба! С оружием на взрывоопасное производство — я сейчас лично партком на ноги подниму! Начальника цеха вызывай! Директора завода вызывай! Пусть посмотрят, как ты план вытягиваешь ценой аварии первой категории!

Пока мастер, багровея лицом, буквально вытеснял опешившего Пряхина к краю помоста, Павел бесшумно скользнул вдоль глухой стены к лабораторному отсеку.

Ему нужен был мост.

Одного куска металла мало. На суде или на закрытом заседании Комитета партийного контроля представитель министерства заявит, что этот кусок Корнилов подобрал на свалке металлолома за забором завода. Нужна была мгновенная, документально зафиксированная экспресс-экспертиза. Здесь и сейчас. На поверенном заводском оборудовании цеховой лаборатории.

Дверь в лабораторию экспресс-анализа — небольшую выгородку из шлакоблоков в самом углу цеха — оказалась не заперта. Внутри пахло реактивами: соляной кислотой, спиртом и пылью неработающих сушильных шкафов. Дежурная лаборантка, судя по всему, ушла пить чай в красный уголок бытового корпуса, пользуясь ночной тишиной.

На массивном деревянном столе, покрытом пожелтевшим слоистым пластиком, стоял прибор, ради которого Павел рисковал головой.

Двойной мост Томсона — эталонный прибор типа МВЛ-47 для высокоточного измерения малых электрических сопротивлений. Тяжелый эбонитовый корпус с массивными латунными клеммами, зеркальная шкала гальванометра, арретир, зажатый винтом. Рядом — образцовая катушка сопротивления с пломбой Госстандарта СССР, датированной августом текущего года.

«Идеально, — хладнокровно подумал Павел, сбрасывая рукавицы. Пальцы мелко подрагивали от адреналинового отката, но он заставил их замереть, сделав один глубокий, медленный вдох через нос. — Абсолютная метрологическая чистота эксперимента. Ни один академик не оспорит».

Он вытащил из-за пазухи раскаленный отрезок медного прутка. Металл уже остыл до терпимой температуры, но все еще жег ладони.

Павел быстро зачистил концы прутка найденным на столе трехгранным шабером, сдирая слой окислов и цеховой грязи до тусклого, рыжеватого блеска. Закрепил образец в массивных ножевых зажимах измерительного столика.

Расстояние между потенциальными ножами — ровно один метр. Сечение — штангенциркулем: девять целых и две десятых миллиметра.

Павел щелкнул тумблером питания встроенного аккумулятора. Освободил арретир гальванометра. Световой зайчик на круглой матовой шкале дрогнул, качнулся и замер на нулевой отметке.

Теперь — балансировка.

Пальцы Павла быстро, уверенно перещелкивали декадные переключатели магазина сопротивлений. В тишине пустой лаборатории эти сухие щелчки звучали, как взвод курка: *щелк… щелк… щелк*.

Зайчик гальванометра метнулся вправо, к красной риске. Павел начал вращать лимб плавного реохорда, возвращая световое пятно к центру.

Сопротивление образца длиной в один метр составляло…

Павел замер, вглядываясь в деления шкалы. В горле пересохло, словно он глотнул толченого мела.

Ноль целых, ноль триста двадцать восемь тысячных Ома.

Он быстро пересчитал удельное электрическое сопротивление в уме, перемножив на площадь сечения и разделив на длину. Формула, вбитая в подкорку еще в прошлой жизни, выдала результат с безжалостной, убийственной точностью.

Двадцать восемь тысячных Ома на миллиметр квадратный на метр. При норме для электротехнической меди марки М0 — не более семнадцати с половиной тысячных!

Превышение сопротивления — на шестьдесят процентов!

Это была катастрофа. Не просто брак, не рядовая технологическая халатность.

Если такой кабель пустить под рабочую нагрузку в шесть киловольт — он превратится в гигантский нагревательный элемент. Потери на джоулево тепло вырастут в два с половиной раза. Никакая полиэтиленовая изоляция не выдержит такой температуры: через три недели эксплуатации начнется термическая деструкция полимера, пробой изоляции на броню, чудовищный короткозамкнутый дуговой разряд и подземный пожар.

А кабель этот предназначался для новой ветки Московского метрополитена и резервных узлов связи командных пунктов ПВО.

Павел выдернул из нагрудного кармана спецовки ручку с синей пастой, схватил со стола стандартный бланк «Журнал экспресс-контроля физико-механических свойств сырья», быстро вписал дату, время — 02:45, номер партии с бирки, диаметр, показания моста и расчетное значение удельного сопротивления.

В графе «Заключение» он твердым, размашистым почерком вывел:

«Материал не соответствует ГОСТ 859-78. Металл представляет собой нерафинированную вторичную медь с недопустимым содержанием примесей железа, свинца и мышьяка. Использование в производстве силовых кабелей категорически запрещено. Категория: опасный производственный брак, влекущий техногенную катастрофу».

Он расписался фамилией дежурного наладчика — Дроздов — и тиснул на лист круглый металлический штамп с лабораторного столика: «ОТК Завода им. Куйбышева. Для внутренних актов №4».

Лист лег за пазуху рядом с тяжелым, остывающим куском меди.

Дело сделано. Улика добыта. Теперь нужно было уходить — тем же путем, через верхние мостки, пока Пряхин занят перепалкой с Дроновым, а на железнодорожной рампе идет разгрузка злополучного вагона.

Павел приоткрыл дверь лаборатории, выглядывая в полутемный цех.

Стан все еще стоял. У конторки мастера никого не было — голоса сместились куда-то в сторону трансформаторной подстанции, где, судя по отборному мату, Дронов продолжал методично и яростно «вправлять мозги» министерскому куратору.

Путь к пожарной лестнице был чист. Триста шагов вдоль стены, за штабелями пустых деревянных кабельных барабанов, затем рывок наверх — и в темноту заводского двора.

Павел бесшумно выскользнул из лаборатории, прижимая локтем драгоценный груз к ребрам.

Он прошел первые пятьдесят метров. Сто. Вот и штабели барабанов — гигантские деревянные катушки диаметром в человеческий рост пахли сырой сосновой щепой и креозотом. За ними начиналась мертвая зона, не просматриваемая ни с одного поста.

Оставалось сделать десяток шагов до первой ступени лестницы, когда тяжелые двустворчатые ворота цехового тупика — те самые, куда заходили железнодорожные пути — с протяжным, зубодробительным визгом несмазанных роликов начали медленно расходиться в стороны.

Павел мгновенно нырнул в узкий зазор между двумя барабанами, вжимаясь в шершавое, просмоленное дерево. Дыхание замерло само собой.

В цех хлынул ледяной ночной воздух, пахнущий сырым снегом, мазутом и гарью паровозной топки. Но заехал внутрь вовсе не маневровый тепловоз с вагоном меди.

В проем ворот, медленно разрезая фарами висящую в цеху сизую гарь, вкатился длинный, черный, блестящий лакированными боками лимузин. Правительственный ЗИЛ-117.

Машина шла мягко, почти бесшумно, тихо похрустывая тяжелыми шинами по мелкой шлаковой крошке пола. Следом за ней в цех въехал темно-синий микроавтобус РАФ с глухими задними окнами и антенной спецсвязи на крыше.

Фары ЗИЛа погасли. Ворота за машинами с глухим грохотом захлопнулись. Снаружи лязгнул тяжелый стальной засов.

Павел почувствовал, как мышцы вдоль позвоночника натянулись до боли.

Это были не люди Широкова. И не дежурная комиссия главка. Это был совсем другой уровень игры. Тот уровень, о котором капитан Воронов даже боялся заикнуться на лестнице министерства.

Из передней двери ЗИЛа легко, по-военному пружинисто выскочил плотный человек в темном демисезонном пальто с каракулевым воротником. Он не стал оглядываться. Быстро обошел машину и распахнул заднюю правую дверцу, почтительно склонив голову.

С заднего сиденья не торопясь, с тяжелым достоинством хозяина положения выбрался высокий, сухощавый старик в генеральской папахе серого каракуля и длинном суконном пальто без знаков различия, но с узнаваемым широким шелковым кантом по краю борта. На вид ему было за шестьдесят: хищный профиль с тяжелым, выступающим подбородком, гладко выбритое породистое лицо, холодные, налитые свинцом глаза человека, привыкшего решать судьбы дивизий и министерств одним росчерком синего карандаша.

Заместитель министра. Лично. Член ЦК, курирующий военно-промышленный комплекс и Госрезерв.

Но не это заставило Павла сжать кулаки так, что ногти впились в ладони сквозь ткань перчаток.

Из распахнувшихся боковых дверей синего РАФа вышли четверо в штатском. Без лишних слов они вытащили из салона человека с заломанными за спину руками, голова которого была наглухо замотана серым шерстяным шарфом.

Человек едва переставлял ноги, его волокли по цементному полу волоком. Когда его подтащили к свету ртутной лампы под конторкой мастера, один из конвоиров резким, грубым движением сорвал шарф.

Павел узнал его мгновенно, несмотря на разбитое в кровь лицо и заплывший левый глаз.

Капитан госбезопасности Воронов.

Тот самый Воронов, который сорок минут назад уверял, что будет страховать снаружи. Его чекистское удостоверение, раскрытое и переломленное пополам, небрежно крутил в пальцах человек в пальто с каракулевым воротником.

Замминистра медленно подошел к стоящему на коленях Воронову, остановился в шаге от него, брезгливо разглядывая расстегнутый воротник его форменной сорочки.

— Дурак ты, капитан, — тихо, но так отчетливо произнес замминистра, что голос его, усиленный бетонными сводами цеха, долетел до каждого уголка. — Решил в честного поиграть? На Лубянку материалы готовил? Андропову на стол положить мечтал?

Замминистра чуть наклонился, и в его голосе не было ярости — только бесконечное, ледяное презрение сытого хищника:

— Нет больше твоего управления, капитан. И твоего генерала прямо сейчас в его кабинете на площади Дзержинского вежливо просят сдать табельное оружие и партийный билет. Стране нужна медь. Стране нужен закрытый план. А такие правдоискатели, как ты и твой профессор, только под ногами путаются в канун исторического пленума.

Он повернулся к начальнику охраны:

— Где Корнилов?

— В цеху, товарищ заместитель министра, — четко, без запинки доложил тот. — Машину капитана мы блокировали через три минуты после того, как этот… инженер перелез через забор. Периметр перекрыт. Все технологические выходы заблокированы. Из второго цеха живым не выйдет никто.

Замминистра медленно натянул на руку тонкую кожаную перчатку:

— Найти. Образцы и накладные изъять. Обоих — в плавильное отделение, в пятую индукционную печь. Смену оформить как групповой несчастный случай при аварийном разрыве емкости с жидким металлом. И поторопитесь. У меня через полтора часа доклад в Кремле.

Павел медленно, контролируя каждый мускул, опустил руку в правый карман спецовки.

Там, среди промасленной ветоши и запасных предохранителей, лежала тяжелая, граненая стальная рукоятка аварийного переключателя секционного маслопровода высокого давления, которую он машинально сунул в карман еще на пульте Дронова.

Второй цех кабельного завода имени Куйбышева был наглухо заперт изнутри.

Против него были восемь вооруженных профессионалов с правом стрелять на поражение, член Центрального Комитета и запертые стальные ворота. А за пазухой у Павла жгла ребра холодная улика, цена которой прямо сейчас измерялась жизнями сотен тысяч людей.

Павел бесшумно перехватил стальную рукоятку поудобнее и сделал первый шаг назад, в непроницаемую тьму кабельного коллектора.

Ночная смена только начиналась.

Глава 4. Кабинет следователя ОБХСС

Стальная рукоятка аварийного сброса врезалась в ребра сквозь брезент спецовки жестко, с тупой, давящей болью, словно за пазухой был зашит кусок рельса.

Павел замер в бетонном колодце кабельного коллектора, опустившись на одно колено прямо в маслянистую, пахнущую карболкой и дождевой прелью жижу. Вода мгновенно пропитала штанину до кости, обжигая ноябрьским льдом, но он даже не вздрогнул. Все чувства были стянуты в одну звенящую точку на затылке.

Наверху, на рифленых плитах цехового пола, грохнули подкованные каблуки.

— Перекрыть смотровые ямы! — глухо, с металлической хрипотой скомандовал голос из свиты Широкова. — Первая пара — к трансформаторной! Вторая — к лабораторному отсеку! Живым не брать, сразу бейте в корпус!

Они не тратили время на уговоры. Люди в добротных полупальто с каракулевыми воротниками работали слаженно, как загонщики на волчьей облаве: двое у въездных ворот, четверо веером по пролету, двое волокут безжизненное тело капитана Воронова к черному зеву плавильного отделения, где из жерла пятой индукционной печи мерно, инфернально пульсировал багровый отсвет расплавленного шлака.

Времени оставалось ровно на три вдоха. Через полминуты они проверят люки кабельной трассы.

Павел перехватил граненую рукоятку двумя руками, нащупал во тьме фланец трехходового крана аварийного контура маслоохладителя. Вот он — чугунный, покрытый липким слоем графитовой смазки шестигранник штока. В нормальном режиме эта магистраль подавала трансформаторное масло под давлением в тридцать атмосфер на гидравлические приводы наклона тиглей. Но если провернуть кран в технологический тупик…

Металл сопротивлялся. Ржавая резьба визгнула в темноте, как потревоженная крыса. Павел уперся плечом в мокрую бетонную балку перекрытия, натянул жилы на шее до звона в висках и рванул рычаг на себя всем весом тела.

Чугун с сухим щелчком провернулся на девяносто градусов.

Где-то вверху, в распределительном шкафу главного трансформатора цеха, глухо, утробно ухнуло. Зашипело с такой силой, будто в замкнутом объеме разорвало паровозный котел. Масляная струя под колоссальным напором ударила в открытые медные шины трехфазного ввода на шесть тысяч вольт.

Ослепительная сине-белая вспышка пробила щели чугунных люков, превратив тьму коллектора в рентгеновский снимок. Следом за ней грохнул сокрушительный дуговой разряд. Воздух в цеху мгновенно наполнился удушливым озоном и едким, жирным чадом горящего минерального масла. Автоматическая защита подстанции отработала с секундным запозданием, но этого хватило: с потолочных ферм со свистом и воем сорвались электромагнитные клапаны системы объемного углекислотного тушения.

Цех утонул в ревущем белом тумане. Раздались крики, панические выстрелы наугад — пули с визгом рикошетили от станин волочильных станов.

— Назад! — рявкнул начальник охраны, и в его голосе впервые прорезался страх. — Газ! Хладон пошел! На выход, перекрывай ворота!

Широков не стал дожидаться расправы над Вороновым. При автоматической аварии первой категории пожарный поезд станции Лосиноостровская и городские расчеты ВПЧ-3 прибывали ровно через восемь минут — таковы были нерушимые нормативы гражданской обороны Москвы. Замминистра не мог позволить застать свой правительственный ЗИЛ в эпицентре техногенной катастрофы.

Сквозь завывание сирены до Павла донесся рев форсированного двигателя лимузина и визг покрышек синего микроавтобуса. Они уходили, забирая Воронова с собой. Живым или мертвым — во тьме разобрать было невозможно.

Павел не стал подниматься наверх. Он развернулся на четвереньках и полез вперед, в узкую бетонную трубу ливневой канализации, ведущую под насыпь железнодорожного тупика.

Каждый метр давался с боем. Острые края битого кирпича и ржавая проволока рвали сатиновую спецовку, обдирали ладони до крови. Тяжелый отрезок медной жилы, зажатый под мышкой, не давал дышать полной грудью, а запечатанный в полиэтилен бланк экспресс-анализа хрустел у самого сердца, напоминая: если эта бумага промокнет или потеряется, он перестанет быть инженером, отстаивающим истину. Он станет просто беглым уголовником, на которого повесят диверсию на оборонном объекте.

Труба выплюнула его в глубокую дренажную канаву за внешним забором завода.

Ледяная жижа хлынула за воротник, перехватив дыхание. Павел выкарабкался на откос, упал в пожухлую, припорошенную первым колючим снегом траву и несколько секунд лежал неподвижно, жадно глотая сырой, пахнущий угольным шлаком воздух товарной станции.

Город просыпался. На стрелках маневрового парка перекликались гудки тепловозов. На часах было без четверти шесть утра.

В общежитие на Бауманской ходу не было — там наверняка уже дежурила засада в штатском. В Главк к Зотову? Бессмысленно: партком начнет заседать только в девять, а к девяти Широков перекроет все министерские коридоры своими людьми. Оставался единственный адрес, о котором капитан Воронов обмолвился в машине вскользь, сквозь зубы, ругая ведомственную неразбериху: отдел БХСС Управления внутренних дел на железнодорожном транспорте.

Ново-Басманная, четырнадцать. Старый особняк за глухими чугунными воротами, где сидели люди, считавшие народные рубли не по лозунгам в газетах, а по вагонообороту и товарным накладным.

— • —

В дежурной части пахло мокрыми шинелями, хлорной известью, застарелой махоркой и сургучом.

Дежурный старшина — пожилой сверхсрочник с выцветшими сержантскими лычками на вытертых погонах — лениво дописывал в журнал суточной сводки очередную строчку фиолетовыми чернилами, макая перо «Уточка» в стеклянную непроливайку. На появление человека в грязной спецовке, с оцарапанным лицом и мокрыми по колено штанами он отреагировал лишь тяжелым, скептическим подъемом бровей.

— Куда прешь, чучело? — не повышая голоса, процедил дежурный, не отрывая руки от журнала. — Протрезветь не успел? Вытрезвитель за углом, во дворе райотдела. А здесь тебе не ночлежка.

Павел подошел к барьеру вплотную. Движения его были скупыми, расчетливыми. Никакой суеты, никакого студенческого заискивания.

Он вытащил из рукава тяжелый, завернутый в промасленную ветошь цилиндр и с глухим, чугунным стуком опустил его на деревянный барьер прямо перед носом сержанта.

— К старшему следователю по спецпоставкам, — ровным, металлическим голосом сказал Павел. — Немедленно. Скажи: по делу эшелона сорок четыре — двенадцать. Входной контроль Главтрансстроя. Хищение в особо крупных, статья девяносто третья прим.

Старшина моргнул. Взгляд его скользнул по исхудавшему, серому от усталости лицу парня, задержался на тяжелом металлическом свертке и наткнулся на глаза Павла — спокойные, тяжелые, не оставляющие пространства для казенного хамства. Старый служака нутром почуял: перед ним не шпана и не заводской забулдыга. Так говорят люди, за которыми стоит либо чрезвычайное происшествие государственного масштаба, либо расстрельная статья.

Сержант медленно отложил ручку, снял трубку тяжелого черного аппарата внутренней связи и повернул диск.

— Товарищ майор? Тут к вам… С Лосиноостровской. Называет литерный сорок четыре — двенадцать. Сам в рабочей робе, но требует вас лично. Говорит — девяносто третья со звездой.

Трубка что-то сухо каркнула в ответ. Сержант повел подбородком в сторону узкой лестницы:

— Второй этаж. Кабинет номер семнадцать. И упаси тебя бог шутки шутить, парень. Майор Тарасов сегодня с трех ночи не спавши.

— • —

Кабинет номер семнадцать меньше всего походил на парадные апартаменты чиновников из министерства.

Здесь не было ковровых дорожек цвета кремлевской брусники и дубовых панелей с латунными молдингами. Потолок был высоким, с потеками старой известки в углах; стены до половины выкрашены казенной масляной краской тошнотворного цвета морской волны, а выше — рыхлой побелкой, исчерканной следами от спинок стульев. Узкое окно с двойной рамой выходило во внутренний колодец двора, где под мокрым снегом темнели кузова милицейских «бобиков».

За массивным двухтумбовым столом, заваленным папками из серых переплетных картонных листов с завязками из вылинявшей тесьмы, сидел человек.

Майор юстиции Степан Ильич Тарасов выглядел старше своих пятидесяти. Тяжелое, пористое лицо цвета лежалого картона, глубокая сабельная складка от крыла носа к углу рта — память о ранении под Прохоровкой, — и густые, абсолютно седые брови, из-под которых на вошедшего Павла смотрели цепкие, немигающие глаза опытного капканщика. На потертом форменном кителе без погон — домашний, рабочий вариант — тускло темнела планка медали «За отвагу» и ордена Отечественной войны.

На столе, среди россыпи скрепок и химических карандашей, стояли большие деревянные счеты с наборными костяшками из мореного дуба, исчерканный блокнот и граненый стакан с остывшим чаем, в котором плавал полупрозрачный ломтик сушеного лимона.

Тарасов не пошевелился при звуке открывшейся двери. Он не спеша щелкнул костяшкой на счетах — *клак*, — перенес какую-то цифру в развернутую ведомость движения товарных вагонов и только потом поднял тяжелый взгляд.

— Закрой дверь плотно, — негромко произнес майор. Голос у него был сухой, с характерным надсадным покашливанием человека, выкуривающего по две пачки «Беломора» за смену. — Дует оттуда. И садись. Вон на тот табурет, к стенке. Полы у меня чистые, а с твоих штанов мазут капает.

Павел не стал садиться к стенке. Он сделал четыре шага вперед, выдвинул тяжелый деревянный стул с гнутой спинкой прямо напротив следователя и сел, глядя Тарасову в переносицу.

Майор чуть прищурился. В советской правоохранительной системе так вели себя либо высшие партийные чины, уверенные в своей неприкосновенности, либо люди, которым уже нечего было терять. Студент-пятикурсник явно не относился к первым.

— Фамилия, имя, отчество, — Тарасов вынул из ящика чистый бланк протокола допроса свидетеля, обмакнул перо в чернильницу.

— Корнилов Павел Александрович, — четко произнес Павел. — Ведущий лаборант кафедры полупроводниковых приборов МВТУ имени Баумана. Представитель комиссии входного контроля треста «Севердорстрой».

Перо Тарасова замерло над строчкой «Место работы». Кончик пера едва заметно подрагивал, оставляя на рыхлой бумаге жирную фиолетовую точку.

— Вот как, — очень тихо сказал следователь. Он положил ручку на эбонитовую подставку, сложил узловатые, пальцы замком и подался вперед. — Значит, Корнилов. Тот самый Корнилов, чья телеграмма два часа назад легла на стол начальнику дорожного управления с пометкой: «Задержать при попытке сбыта похищенных со складов МПС материальных ценностей. Инициатор розыска — техническое управление Министерства транспортного строительства».

— Ложь, — спокойно парировал Павел. — Широков заметает следы. Сбывать мне нечего. А вот предъявить — есть.

Он расстегнул пуговицы спецовки, достал из внутреннего кармана тяжелый, метровый кусок медного прутка и опустил его на стол. Металл глухо, веско звякнул о столешницу, сбив с деревянной подставки коробку с металлическими скрепками.

Следом за медью на зеленоватую клеенку стола лег сложенный вчетверо лист лабораторного журнала с синей мастичной печатью ОТК кабельного завода.

Тарасов даже не взглянул на бумагу. Его взгляд прикипел к металлу.

Опытный следователь ОБХСС, отдавший четверть века борьбе с расхитителями сырьевых ресурсов, определял характер груза быстрее любого товароведа. Он протянул руку, взял пруток в ладонь, взвесил на весу. Провел загрубевшим большим пальцем по грубому, шероховатому срезу с радиальными задирами.

— Волочение без отжига, — вполголоса пробормотал Тарасов, и в его глазах промелькнула искра профессионального охотничьего азарта. — Цвет… темный. Слишком много багрового, медистой желтизны нет. Это что за дрянь, Корнилов? Откуда снял?

— Кабельный завод имени Куйбышева. Второй цех, линия грубого волочения «Хемниц», — Павел говорил чеканно, вбивая факты, как гвозди в крышку гроба министерской аферы. — Партия поступила сегодня ночью в вагоне сорок четыре — двенадцать — восемьсот девяносто. Под видом электротехнической меди марки М0 для силовых кабелей спецсвязи Северной магистрали. На самом деле — неотожженная вторичная катанка из отходов рафинирования. Удельное электрическое сопротивление — ноль целых ноль двадцать восемь тысячных Ома на метр при норме семнадцать с половиной. Превышение на шестьдесят процентов.

Тарасов медленно развернул лабораторный бланк. Его брови поползли вверх по мере того, как он вчитывался в короткие, убийственные формулировки:

«Двойной мост Томсона МВЛ-47… деструкция полимерной матрицы при токовой нагрузке свыше сорока ампер… риск теплового взрыва кабельной трассы…».

Внизу стоял четкий треугольный оттиск заводского ОТК.

Майор поднял глаза. В них больше не было усталой насмешливости. В них появилась та холодная, беспощадная глубина, которая бывает у следователя, нащупавшего конец нити от клубка союзного масштаба.

— Ты хоть понимаешь, парень, во что ты сейчас сунул нос? — глухо спросил Тарасов. — Этот вагон шел по литеру «ЦК-Спец». На него броня висела за подписью Госплана СССР. Начальник станции Лосиноостровская вчера лично мне звонил, орал в трубку, что если я сунусь с проверкой на разгрузку — с меня снимут погоны до утра.

— Знаю, — кивнул Павел. — Потому что разница в стоимости между чистой электротехнической медью и этим шлаком — почти триста рублей на тонне. В составе сорок вагонов. Это миллион двести тысяч рублей чистыми. Часть ушла на покрытие фиктивного плана треста Савицкого, а чистая первичная медь высокой степени очистки… Вы знаете, куда она ушла, товарищ майор?

Тарасов не ответил. Он медленно открыл нижний ящик стола, достал пачку папирос «Беломорканал», аккуратно смял гильзу пальцами и чиркнул спичкой. Серый, терпкий дым поплыл к высокому потолку.

— В Таллин, — не глядя на Павла, уронил следователь. — На перевалочную базу внешнеторгового объединения «Новоэкспорт». Я веду эту цепочку три месяца, Корнилов. С тех пор, как на путях под Вологдой сгорел трансформатор на железнодорожном узле. Экспертиза тогда тоже дала левую медь в обмотках. Но мне не давали ход. Каждый раз, когда я подбирался к накладным на отгрузку, сверху звенел звонок по «вертушке». Товарищ заместитель министра Широков лично интересовался, почему органы милиции вмешиваются в выполнение правительственных заданий по досрочному пуску магистрали.

— Широков сейчас в Москве, — сказал Павел. — Сорок минут назад он был во втором цеху. С ним была личная охрана. Они взяли капитана Воронова из УКГБ.

Тарасов поперхнулся дымом. Он резко подался вперед, опершись кулаками о стол:

— Воронова?! Алешку?!

— Вы его знаете?

— Мы с ним по ташкентской мафии два года назад в одной бригаде работали, — сквозь зубы процедил майор. Лицо его потемнело, сделавшись похожим на старый гранит. — Воронов копал под Широкова по линии контрразведки. Значит, они его перехватили… Где он сейчас?

— Они повезли его в сторону министерства или на закрытый объект спецсвязи. Широков отдал приказ избавиться от свидетелей. В цеху они пытались сымитировать аварию на индукционной печи. Я сорвал им график — стравил масло из охладителя на шины ввода. Цех встал, сработала автоматика тушения, сейчас там пожарные. Широков ушел на ЗИЛе, но у него через час доклад в Кремле.

В кабинете повисла густая, давящая тишина. Слышно было, как за стеной стучит пишущая машинка: сухой, монотонный пулеметный треск делопроизводителя, фиксирующего чью-то сломанную жизнь. За окном просигналил трамвай, заскрежетав железом на стрелке Краснопрудной улицы.

Тарасов сидел неподвижно, глядя на кусок меди перед собой. Его пальцы нервно перебирали костяшки счетов: *щелк… щелк… щелк*.

Тактический расчет шел в двух головах одновременно. Павел видел, как внутри старого сыщика борются два человека: дисциплинированный советский офицер, привыкший подчиняться субординации и знающий, как безжалостно система перемалывает любого, кто осмелится пойти против номенклатурного олимпа, — и фронтовик, для которого предательство и воровство на крови строителей оставались смертным грехом.

— У тебя нет права на ошибку, Корнилов, — медленно, веско произнес Тарасов, поднимая тяжелые глаза. — Ты понимаешь это? Если мы сейчас включим сирену, обратного хода не будет. Широков — член ЦК. Чтобы санкционировать арест или хотя бы выемку документов в его главке, нужна личная подпись Генерального прокурора Руденко. Или прямое указание секретаря ЦК по промышленности. Без этого нас с тобой через два часа запрут в подвале внутренней тюрьмы на Малой Лубянке.

— У нас есть двадцать четыре часа, — Павел наклонился к столу. — Роман Лукич Зотов, первый секретарь парткома Главка, дал мне сутки на сбор неопровержимых улик. Этот кусок металла и акт экспресс-анализа — первый кирпич. Но одного кирпича мало. Мне нужна копия железнодорожной накладной прямого сообщения с отметкой станции приписки Ташкент-Товарный. Той самой накладной, которую Пряхин, зять начальника треста, прячет в сейфе конторки.

Тарасов усмехнулся — недобро, жестко, показав крупные желтые зубы:

— Пряхин уже ничего не прячет, парень.

Следователь выдвинул средний ящик стола, повернул ключ в маленьком встроенном сейфе и извлек на свет тонкую синюю папку с грифом «Для служебного пользования».

— Пока ты ползал по канализационным трубам на Лосиноостровской, мои ребята взяли дежурного весовщика станции. Он за полтинник сверху штамповал фальшивые дубликаты накладных МПС формы ГУ-29. Вот она, твоя накладная.

Тарасов бросил на стол лист плотной пергаментной бумаги с синими железнодорожными штемпелями.

Павел пробежал глазами по графам:

«Отправитель: Среднеазиатский завод вторичных цветных металлов. Получатель: Предприятие п/я 4812 (Кабельный завод им. Куйбышева). Наименование груза: Медь черновая переплавленная в чушках. Вес: 32 тонны. Особые отметки: Переадресовка по указанию замминистра путей сообщения от 12.10.1974».

Это было документальное подтверждение подлога. Груз шел как черновой лом, а на заводские склады приходовался по высшей категории электротехнического проката с фиктивной наценкой в четыреста процентов!

— Это расстрел, — тихо констатировал Павел. — Для всей верхушки главка.

— Это расстрел, если эти бумаги дойдут до Комитета партийного контроля, — отрезал Тарасов. — А они не дойдут, если мы будем сидеть сиднем. Слушай меня внимательно, студент. Я тебе верю. Не потому, что ты такой красивый и умный, а потому, что знаю Лешку Воронова: он за пустое место свою шею под топор не подставил бы. Но ресурсы у меня ограничены. Я могу выделить тебе прикрытие — двоих оперативников с табельным оружием. Но в министерство ты пойдешь сам.

— Почему я?

Тарасов затянулся «Беломором», выпустив струю дыма прямо в лицо Павлу:

— Потому что меня туда на порог не пустит комендатура девятого управления. А у тебя на руках — удостоверение члена экстренной комиссии парткома, подписанное Зотовым. Ты свой. Ты вроде как их внутренняя проверка, сопляк-лаборант, которого послали проверить технические параметры. Тебя недооценят. А это — твой единственный козырь.

Майор поднялся из-за стола, подошел к сейфу в углу комнаты, провернул тяжелый кодовый диск и распахнул толстую стальную дверцу.

Он достал оттуда не пистолет. Он вынул небольшой, обтянутый коричневым ледерином плоский футляр, похожий на коробку для готовальни. Щелкнули латунные замочки. Внутри, на темно-зеленом бархате, лежал компактный прибор швейцарского производства: портативный спектрограф с оптическим окуляром и кварцевой призмой, снабженный автономным искровым генератором на миниатюрных аккумуляторах.

— Трофейный, — скупо пояснил Тарасов. — Еще из Берлина вывезен институтом криминалистики. Дает мгновенный спектральный анализ металла прямо на месте, без химической лаборатории. Прижимаешь электрод к проводу, жмешь спуск — и через три секунды в окуляре видишь спектральные линии мышьяка и висмута. Против этой машинки никакой эксперт из Академии наук не соврет. Забирай.

Павел аккуратно взял прибор. Он был тяжелым, непривычно плотным для своих размеров, с холодным металлическим корпусом, пахнущим оптической смазкой и спиртом.

— Спасибо, Степан Ильич. Это решит исход дела на коллегии.

— Рано благодаришь, — хмуро бросил Тарасов. — У тебя времени — до десяти утра. В десять начнется расширенное заседание коллегии министерства под председательством Широкова. Там будет присутствовать заведующий отделом тяжелой промышленности ЦК. Если ты выложишь эти материалы прямо на стол президиума до того, как они утвердят акт о списании аварии на стрелочников — мы победили. Если опоздаешь на пять минут…

Договорить следователь не успел.

На столе с резким, надрывным металлическим дребезжанием зазвонил телефон — тот самый, тяжелый черный аппарат с гербом СССР на диске, стоявшей отдельно на специальной тумбочке. Прямой провод оперативной дежурной части ГУВД Москвы.

Тарасов мгновенно изменился в лице. Он бросил окурок в пепельницу, шагнул к тумбе и сорвал тяжелую трубку:

— Майор Тарасов у аппарата.

Павел наблюдал за лицом следователя. Каждая секунда молчания отдавалась в висках глухими ударами гидравлического молота.

Лицо Тарасова, и без того серое от бессонницы, начало каменеть. Кожа на скулах натянулась так, что старый шрам от осколка побелел, превратившись в тонкую восковую нить. Глаза сузились до ледяных щелей.

— Когда? — коротко спросил майор. Голос его стал хриплым, как скрежет ржавого железа. — Где нашли машину?.. Номер подтвердили?.. Понял. Обеспечьте оцепление, никого из ведомственной охраны министерства к объекту не подпускать. Я выезжаю лично.

Он медленно, с тягучим усилием опустил трубку на рычаги. Рука его осталась лежать на аппарате, пальцы мелко подрагивали.

— Воронов? — тихо спросил Павел.

Тарасов не ответил сразу. Он подошел к окну, уперся лбом в холодное стекло, глядя на кружащуюся во дворе серую снежную крупу.

— Десять минут назад на тридцать первом километре Ярославского шоссе патруль ГАИ обнаружил сгоревший синий РАФ, — раздельно, глухо произнес майор. — Тот самый, из цеха. Внутри два трупа. Водитель и… офицер госбезопасности. Тело обгорело до костей, но на ремне сохранилась номерная пряжка и остатки кобуры. Воронова больше нет, Корнилов. Они не стали возиться с допросами. Они просто сожгли его в машине прямо на обочине, списав все на взрыв бензобака при ДТП.

Павел почувствовал, как к горлу подкатила сухая, горькая волна ярости. Воронов. Чекист, который казался циничным, не знающим сомнений винтиком системы, но который пошел на верную смерть ради того, чтобы правда о миллионной афере не легла под сукно. Его убили буднично, по-хозяйски, как бродячую собаку на скотобойне.

— И это еще не все, — Тарасов медленно повернулся к Павлу. Взгляд майора был тяжелым, как могильная плита. — По городской радиосети милиции только что прошел циркуляр за подписью заместителя министра внутренних дел. Лично.

Следователь сделал паузу, словно взвешивая, стоит ли произносить эти слова вслух:

— На кабельном заводе имени Куйбышева объявлен акт вооруженной диверсии. Погибли двое сотрудников военизированной охраны. Главный подозреваемый — студент МВТУ Корнилов Павел Александрович, якобы завербованный иностранной разведкой для срыва правительственного заказа. Ориентировка разослана во все линейные отделы милиции, на вокзалы и в аэропорты. Приказ: живым не брать. При малейшем подозрении — огонь на поражение без предупреждения.

В коридоре за закрытой дверью кабинета послышался тяжелый, размеренный топот подкованных сапог. Не двое дежурных милиционеров в скрипучих портупеях — шагов было много, не меньше полудюжины, и двигались они строем, слаженно, по-армейски быстро перекрывая лестничные марши.

Звякнуло оружие — характерный, сухой лязг затворов укороченных автоматов Калашникова АКМС.

— Быстро они, — одними губами прошептал Тарасов. Лицо его потеряло всякое выражение, превратившись в застывшую маску. Он не стал метаться. Спокойным, отработанным движением майор выдвинул средний ящик стола, достал оттуда табельный пистолет Макарова,

дослал патрон в патронник с коротким металлическим щелчком и положил оружие на промокашку, прикрыв его газетой «Правда».

— Степан Ильич… — начал Павел.

— Молчи, парень, — оборвал его Тарасов, не поворачивая головы. — Окно видишь? За ним пожарный карниз. По карнизу — три метра влево, до водосточной трубы. Внизу угольная куча котельной, прыгай прямо в нее, ноги сбережешь. Проходной двор выведет на Басманный тупик.

— А вы?

Майор юстиции криво, одними уголками тонких губ усмехнулся:

— А я старый служака, Корнилов. Меня без санкции прокурора города к стенке не приставишь. Буду тянуть время, пока смогу. Забирай прибор и накладную. И помни: в десять ноль-ноль начнется коллегия. Если ты не дойдешь до зала заседаний на Садово-Спасской… нас обоих спишут в архив под графой «измена Родине». Пошел!

Шаги за дверью замерли. В филенку массивной дубовой двери трижды, властно и глухо, ударил тяжелый приклад:

— Откройте! Особый отдел внутренних войск! Майор Тарасов, оставайтесь на местах, оружие на стол!

Латунная дверная ручка медленно, со скрипом поползла вниз.

Павел подхватил футляр с трофейным спектрографом, сунул пачку документов под спецовку и в одно слитное, пружинистое движение метнулся к распахнутой настежь раме, навстречу колючему, пахнущему бедой ноябрьскому ветру.

Глава 5. Чертеж на миллиметровке

Чугунный отлив подоконника резанул по ребрам сквозь брезент спецовки, вышибая дыхание, но Павел даже не позволил себе застонать.

Пальцы в грубых рабочих рукавицах впились в сырой, покрытый ледяной крупкой цинковый карниз. Сзади, в глубине кабинета номер семнадцать, с сухим пулеметным треском раскололась тяжелая дубовая филенка — приклады десантных автоматов не знали жалости к казенному имуществу. Грохнул глухой, властный окрик, следом — резкий, звонкий металлический лязг взводимого курка и раскатистый, бьющий по барабанным перепонкам выстрел в потолок. Степан Ильич Тарасов не блефовал: старый фронтовик выигрывал для него те самые секунды, цена которым сейчас измерялась не рублями и не выговорами, а пулей у глухого забора.

Павел качнулся влево. Сапоги проскрежетали по скользкому оцинкованному железу. Три шага по узкой полосе шириной в ладонь, над чернеющей пропастью захламленного колодца двора. Пальцы левой руки вслепую нащупали холодную, вспученную от ржавчины трубу водостока. Угловое крепление отошло от сырой кирпичной кладки с тошнотворным скрежетом крошащегося известкового раствора, железный хомут подался на пару сантиметров, осыпав воротник спецовки колкой ледяной крошкой.

Времени на сомнения не оставалось.

Павел перехватил трубу обеими руками, прижал к животу жесткий ледериновый футляр со спектрографом и скользнул вниз, обдирая колени о выступающие ребра кирпичей. Металл визжал, хомуты вылетали из пазов один за другим, словно стреляные гильзы. В пяти метрах от земли жестяной раструб окончательно лопнул, не выдержав веса, и Павла швырнуло в пустоту.

Удар был вязким, тяжелым. Черная, смерзшаяся сверху корка угольной кучи с хрустом проломилась, поглотив его ноги почти по пояс. В лицо ударило едким, пыльным смрадом донецкого антрацита. Острые, как битое бутылочное стекло, куски угля впились в бедро, в голень, но правая нога спружинила, спасая сустав. Футляр с трофейным прибором остался цел — ремень, захлестнутый вокруг шеи, лишь на мгновение перехватил горло жесткой брезентовой петлей.

Над головой, на третьем этаже, звонко брызнули осколки оконного стекла.

— Назад, сволочь! Стой, стрелять буду! — перекрывая утренний гул просыпающегося Басманного района, донеслось из распахнутой рамы.

Павел не стал поднимать головы. Он выдернул ноги из черного крошева, пригнулся к самой земле и рванул в низкую, пропахшую прелой мочой и сырыми дровами подворотню, соединявшую котельную с Басманным тупиком.

Сырой ноябрьский рассвет только-только вползал в московские дворы, волоча за собой липкий туман, пахнущий дешевым бензином, дымом паровозных топок с товарной станции и мокрой штукатуркой старых купеческих доходных домов. Где-то на Новой Басманной уже проскрежетал на стрелке первый двадцать четвертый трамвай — тяжелое железо выбило протяжную, унылую ноту. Город еще не знал, что на заводских путях Лосиноостровской чадит пенопластовой гарью второй цех, а по Ярославскому шоссе милицейские патрули перекрывают выезды в поисках студента-диверсанта.

Павел шел быстро, не переходя на бег — бегущий человек в рабочей робе в семь утра привлекает взгляд любого постового быстрее, чем вор с чемоданом. Движения его были экономными, пружинистыми. Каждую сотню метров он сверялся с отражениями в витринах пыльных булочных и аптек: сгорбленная фигура, надвинутый на лоб засаленный картуз, руки глубоко в карманах спецовки, локтем прижат к ребрам плоский футляр, завернутый в мокрую мешковину.

Ориентировка на него уже ушла во все линейные отделы. Внутренние войска Широкова не станут церемониться: если приказ — «живым не брать», значит, любой наряд у метро «Красные Ворота» или на площади трех вокзалов вскинет автомат раньше, чем он успеет вытащить студенческий билет.

До расширенного заседания коллегии в высотке Министерства транспортного строительства на Садово-Спасской оставалось ровно два часа и сорок минут.

У него на руках были три козыря: бракованный образец медного прутка, швейцарский искровой спектрограф Тарасова и накладная прямого сообщения формы ГУ-29, доказывающая факт подлога сырья в вагоне сорок четыре — двенадцать. Но любой опытный партаппаратчик уровня Широкова разобьет эту связку за три минуты. Замминистра выйдет к трибуне, снисходительно улыбнется, поправит золотые запонки и заявит: имел место досадный брак поставщика из Ташкента, виновные стрелочники уже арестованы, а студент Корнилов — истерик и провокатор, пытающийся сорвать сдачу стратегического объекта к пленуму ЦК.

Чтобы свалить матерого номенклатурного волка с кремлевскими связями, требовалось не просто показать гнилую медь. Требовалось доказать, что катастрофа на Северной магистрали была не случайностью, а расчетливым, инженерно выверенным преступлением.

И это доказательство существовало. Оно хранилось там, куда люди Широкова должны были прийти в первую очередь.

— • —

Лабораторный корпус специального конструкторского бюро на Второй Бауманской дышал привычным, устоявшимся за десятилетия покоем академического храма.

Здесь пахло не мазутом и не гарью. Воздух в полуподвальном коридоре кафедры точной механики и приборостроения был густым, сухим, настоенным на запахах канифоли, спиртобензиновой смеси для промывки контактов, хлорного железа и нагретого текстолита. Где-то в глубине монотонно, на низкой зудящей ноте гудел трансформатор зарядного щита.

Павел проник внутрь не через парадный вестибюль, где за застекленной конторкой дремал ветеран Степаныч, а через пожарный лаз вентиляционной камеры, ведущий прямо в препараторскую за чертежным залом. Железная решетка держалась на одном болте — старый студенческий трюк для ночных посиделок перед сдачей курсовых проектов.

Он бесшумно спрыгнул на щербатый метлахский кафель пола, замер за шкафами с химической посудой, втягивая ноздрями воздух.

Тишина. Но в этой тишине что-то резануло слух.

Не гул трансформатора. Не скрип половиц на верхнем этаже. Запах.

В препараторской пахло не дешевой «Примой», которую вечно смолил Костя Самойлов, экономя стипендию на пирожки с повидлом. В воздухе тонкой, сладковато-пряной струйкой висел аромат дорогого табака. Английский трубочный «Кэптен Блэк» или штучные югославские сигареты из закрытого министерского распределителя на улице Горького.

Павел мягко, на носках, скользнул к приоткрытой двери чертежного зала.

Комната была залита холодным серым светом, падающим сквозь высокие арочные окна с двойными рамами. Вдоль стен выстроились тяжелые чугунные станины чертежных столов — кульманов немецкой фирмы «Рейсс». На среднем кульмане горела настольная лампа под коническим зеленым абажуром, бросая круг резкого света на расстеленный лист плотной розовой миллиметровки формата А1.

Возле стола сидел Костя Самойлов.

Механик казался высохшим, сжавшимся в комок. На нем был тот же поношенный серый пиджак с протертыми до блеска локтями, но ворот рубашки был расстегнут, а роговые очки съехали на самый кончик бледного, испачканного графитом носа. Руки Кости лежали на чертежной доске, и пальцы мелко, неудержимо дрожали, выбивая дробь по полированному деревянному рейсшине.

А напротив него, небрежно привалившись бедром к краю соседнего стола, стоял человек.

Павел узнал его мгновенно, хотя лично они никогда не сталкивались. Аркадий Львович Шмелев, заместитель управляющего трестом «Севердорстрой» по проектированию и техническому надзору. Человек из ближайшей обоймы Савицкого и Широкова. На вид ему было около пятидесяти: безукоризненно выбритые холеные щеки, аккуратный бобрик седеющих волос, темно-синий шевиотовый костюм тройка индпошива со знаком лауреата Государственной премии на лацкане. Тяжелое драповое пальто с бобровым воротником лежало на соседней табуретке, рядом с раскрытой плоской папкой из натуральной свиной кожи.

Шмелев держал в пальцах длинную тонкую сигарету с золотым ободком, мерно постукивая фильтром по хромированному корпусу зажигалки «Ронсон».

— …ты умный мальчик, Костя, — мягко, почти по-отечески говорил Шмелев. Голос у него был глубокий, бархатный, поставленный на бесконечных трибунах и совещаниях в Госстрое. — Зачем тебе эта романтика? Корнилов — фанатик. Опасный, неуправляемый психопат. Ты думаешь, он о тебе заботится? О твоей матери в Кинешме, о твоей сестренке?

Самойлов судорожно сглотнул. Кадык на тонкой шее дернулся.

— Павел… Павел рассчитывал параметры теплоотвода, — едва слышно просипел Костя, не поднимая глаз. — Он нашел ошибку в проекте. Там нельзя класть кабель без вентиляционных каналов. Вечная мерзлота…

— Забудь ты про мерзлоту! — Шмелев поморщился, выпустив к потолку ровное кольцо ароматного дыма. — Мерзлота — дело государственное. Партия поставила задачу: открыть рабочее движение на три месяца раньше графика. К открытию внеочередного пленума. Понимаешь ты своей студенческой головой, что такое три месяца для страны? Это миллионы тонн угля, это нефть, это политический вес Союза! А Корнилов полез со своими миллиомами. Кто он такой? Без пяти минут дипломированный недоучка.

Шмелев сделал шаг вперед, опперся ладонью о край кульмана Самойлова, нависнув над дрожащим парнем:

— Корнилов сегодня ночью совершил вооруженное нападение на охрану кабельного завода. Двое раненых, один в тяжелом состоянии. На нем кровь, Костя. Он уже не студент. Он — государственный преступник. За ним сейчас идет оперативная группа с правом применения оружия на поражение. До девяти утра его либо возьмут, либо шлепнут при попытке к бегству. Ты хочешь пойти с ним паровозом? По пятьдесят восьмой статье, как соучастник диверсионной группы?

Костя вжал голову в плечи. Слезы бессилия блеснули за толстыми линзами очков.

— Я… я ничего не знал. Я только чертил…

— Вот именно! — Шмелев тепло, ободряюще улыбнулся и полез во внутренний карман пиджака. Щелкнула золотая кнопка плотного конверта из плотной крафтовой бумаги. — Ты просто чертил. Выполнял техническое задание, которое тебе спустил Корнилов. Ты не знал, что он умышленно исказил коэффициенты теплового расширения. Подпиши вот эту бумагу, Костенька. Всего один лист. Экспертное заключение для прокуратуры. Что проектный расчет переходных муфт был единолично исправлен Корниловым без согласования с кафедрой.

На чертеж лег лист казенной машинописи через полтора интервала.

Рядом со служебной запиской Шмелев аккуратно, двумя пальцами положил зеленый прямоугольник с гербовой печатью.

— Это распределение. Закрытый почтовый ящик номер восемьсот в Дубне. Лаборатория ядерных исследований. Собственная комната в ведомственном доме, оклад сто восемьдесят рублей плюс сорок процентов надбавки за секретность. И новенькая «Волга» вне очереди через три года. Твоя жизнь, парень. Настоящая жизнь советского ученого. А Корнилова уже нет. Считай, что его вычеркнули из списков живых. Бери ручку.

Костя потянулся к перьевой авторучке «Союз», лежавшей в желобке кульмана. Пальцы его ходили ходуном. Перо чиркнуло о край чернильницы, звякнуло.

— Ручку-то положи, Костя, — негромко, из полумрака препараторской произнес Павел. — Чернила нынче казенные, а совесть потом ни в одном керосине не отмоешь.

— • —

Шмелев не дернулся, не вскрикнул. Человек старой номенклатурной закалки, прошедший коридоры власти от прораба на Магнитке до министерских высоток, умел держать удар лицом.

Он лишь медленно замер с зажигалкой в руке, пламя чиркнуло в последний раз и погасло. Затем Аркадий Львович не спеша повернул голову к двери. Взгляд его скользнул по изорванной, испачканной угольной пылью спецовке Павла, по сбитым в кровь костяшкам пальцев, задержался на плоском ледериновом футляре, перехваченном бечевкой.

— А, явление героя, — спокойно, без тени удивления протянул замначальника треста. На губах его заиграла тонкая, брезгливая усмешка. — А мы как раз о тебе вспоминали, Корнилов. Быстро бегаешь. Тарасов, старый дурак, думал, что прикрыл тебя? Зря старался. Его кабинет уже опечатан, а сам Степан Ильич сейчас пишет объяснительную во внутренней тюрьме на Малой Лубянке.

— Врешь, Шмелев, — Павел шагнул в круг света, остановившись в трех метрах от кульмана. Мышцы его были натянуты, как стальные тросы на лебедке. Пространство чертежного зала считывалось им мгновенно: два прохода между столами, массивные чугунные противовесы кульманов, тяжелая чертежная линейка со стальным вкладышем под рукой у Кости, и дверь за спиной чиновника, ведущая в коридор. — Тарасов — процессуальное лицо. Без санкции прокурора Союза его даже отстранить нельзя. А вот у тебя за душой санкции нет. Ты сюда примчался раньше милиции, потому что знаешь: если этот лист бумаги сгорит, Широков вытрет о тебя ноги и сдаст под трибунал первым.

Костя замер с открытым ртом, боясь перевести дыхание. Очки сползли еще ниже, но он даже не попытался их поправить.

Шмелев коротко, сухо рассмеялся, стряхивая пепел прямо на паркет:

— Трибунал? Мальчик, ты в каком детском саду воспитывался? Какой трибунал? Широков завтра утром входит в состав комиссии Совета Министров. Через полгода он займет кресло министра. А ты… ты кто? Студент-вечерник с манией величия? Думаешь, положишь кусок ржавой проволоки на стол первому секретарю, и система рухнет к твоим ногам с покаянием?

Чиновник подался вперед, и в его бархатном голосе впервые прорезался свирепый, металлический оскал:

— Ты хоть представляешь, сколько бетона уложено в эту трассу? Сколько эшелонов труб, сколько человеческих жизней туда зарыто с сорок девятого года? Там миллиарды рублей! Вся экономика пятилетки привязана к пуску Северной ветки. Если сейчас остановить стройку из-за твоих сраных расчетов по кабелю — рухнет межотраслевой баланс трех министерств! Полетят головы министров, сорвутся экспортные контракты по газу с ФРГ! Тебя раздавят, Корнилов. Не потому, что ты не прав. А потому, что твоя правда стоит дороже, чем эта страна может себе позволить заплатить.

— Страна заплатит в десять раз дороже, когда на триста сороковом километре зимой рванет магистральная тяговая подстанция, — ровно ответил Павел. Голос его звучал глухо, мерно, гипнотизируя своей абсолютной, математической уверенностью. — Медь, которую вы загнали в грунт под видом марки М0, имеет удельное сопротивление ноль целых ноль двадцать восемь тысячных Ома. Нагрузка тягового тока при прохождении тяжелого состава с углем — восемьсот ампер. Джоулево тепло — двадцать киловатт на каждые сто метров траншеи.

Павел сделал шаг к кульману. Шмелев невольно отступил на полшага назад, наткнувшись спиной на соседний чертежный стол.

— Знаешь, что произойдет с вечной мерзлотой при двадцати киловаттах постоянного прогрева, Аркадий Львович? — Павел положил ладонь на край миллиметровки. — Деятельный слой оттает на глубину четырех метров за три недели. Грунт под насыпью превратится в плывун. Эшелон с рудой пойдет под откос в промороженную тундру, а следом встанет вся ветка до Салехарда. При минус сорока пяти. Людей из поселков строителей вывозить будет нечем — дизель-поезда замерзнут на путях через двенадцать часов после отключения автоблокировки. Это не срыв пятилетки, Шмелев. Это катастрофа национального масштаба. И ты это знал. Знал, когда подписывал проектный профиль.

Костя Самойлов вздрогнул, словно от удара хлыстом. Он поднял глаза на чиновника — в них больше не было страха перед статьей, в них плескался ужас инженера, заглянувшего в черную пасть рукотворной аварии.

— Это правда?.. — хрипло выдавил Костя. — Вы… вы знали, что там плывун пойдет?

— Заткнись, щегол! — вызверился Шмелев, теряя лоск. Лицо его пошло красными пятнами, галстук сбился набок. Он метнул яростный взгляд на Павла: — Ты ничего не докажешь, Корнилов! Подлинник технического задания уничтожен. В архиве министерства лежит чистовой проект с подписями трех академиков. А этот чертеж…

Чиновник резко выбросил руку вперед, пытаясь сгрести лист миллиметровки со стола, скомкать его, разорвать в клочья.

Но Павел был быстрее.

Его левая рука перехватила холеное запястье Шмелева в воздухе. Захват был жестким, безжалостным — сустав хрустнул, сигарета вывалилась из разжавшихся пальцев чиновника, зашипев на мокром от чернил бланке.

— Не трогай, — тихо сказал Павел, глядя чиновнику прямо в расширившиеся от боли зрачки. — Этот чертеж принадлежит государству. А не твоей шайке.

Павел крутанул руку Шмелева вниз, прижимая замначальника треста грудью к краю кульмана, второй рукой прижал лист к чертежной доске.

— Костя, включи лампу на полную мощность. И сними рейсшину.

Самойлов, повинуясь властному тону, щелкнул тумблером дополнительного освещения. Яркий белый луч лабораторной лампы пробил полупрозрачную структуру миллиметровой бумаги.

И вот тогда скрытое стало явным.

— • —

Это был чертеж продольного профиля кабельной эстакады на участке разъезда «Полярный — Семь».

Сотни мелких линий, вычерченных тончайшим пером с черной китайской тушью: горизонты залегания линз вечномерзлого грунта, изолинии температурного поля, координаты контрольных колодцев. На первый взгляд — стандартная, безукоризненно выполненная инженерная графика, прошедшая согласование в Главтранспроекте.

Но Павел смотрел не на изолинии. Он смотрел на структуру самой бумаги.

Миллиметровка марки «А» фабрики «Гознак» 1973 года выпуска обладала одной технологической особенностью: координатная сетка наносилась специальной водорастворимой краской бледно-розового оттенка, которая под ультрафиолетом или при боковом косом освещении давала едва заметную люминесценцию.

В нижнем правом углу, прямо под угловым штампом с надписью: *«Трест Севердорстрой. Кабельный переход через р. Собь. Лист 14-Т»*, координатная сетка была нарушена. Линии миллиметровых делений не совпадали на долю миллиметра — бумага здесь подвергалась механической подчистке бритвенным лезвием с последующей накаткой агатовым гладильником.

Павел достал из кармана спецовки флакончик со спиртоканифольной смесью, обмакнул палец и аккуратно, легким касанием провел по зачищенному квадрату.

Спирт мгновенно испарился, оставив тончайшую матовую пленку. И на этой пленке, проступая сквозь слой поверхностной туши, проявились вдавленные в рыхлую толщу бумаги следы шариковой ручки — текст, который пытались уничтожить, но не смогли стереть из памяти целлюлозы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.